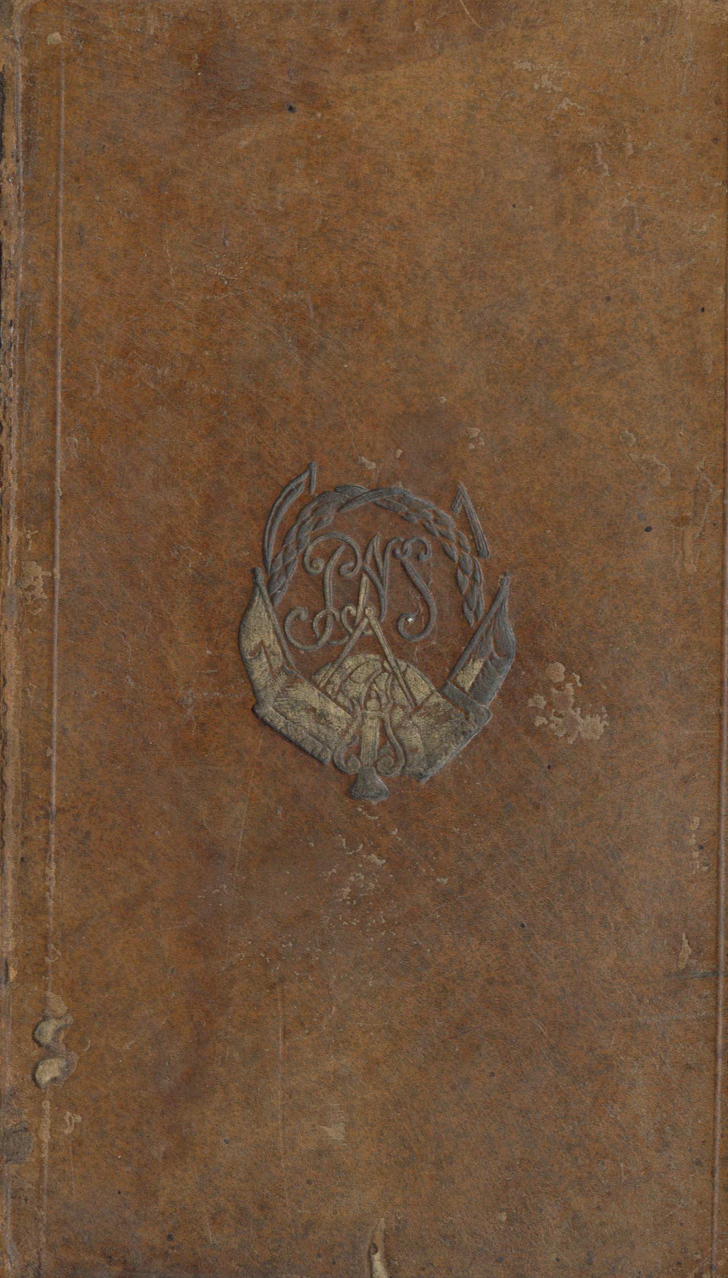
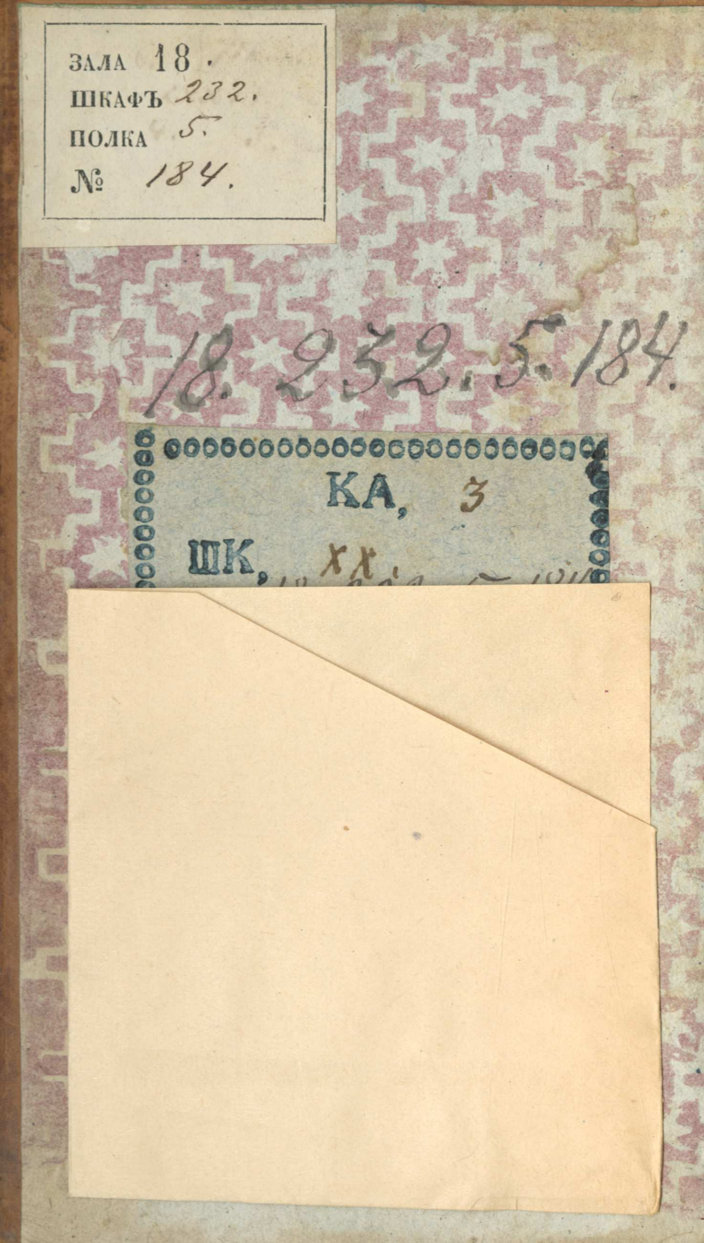
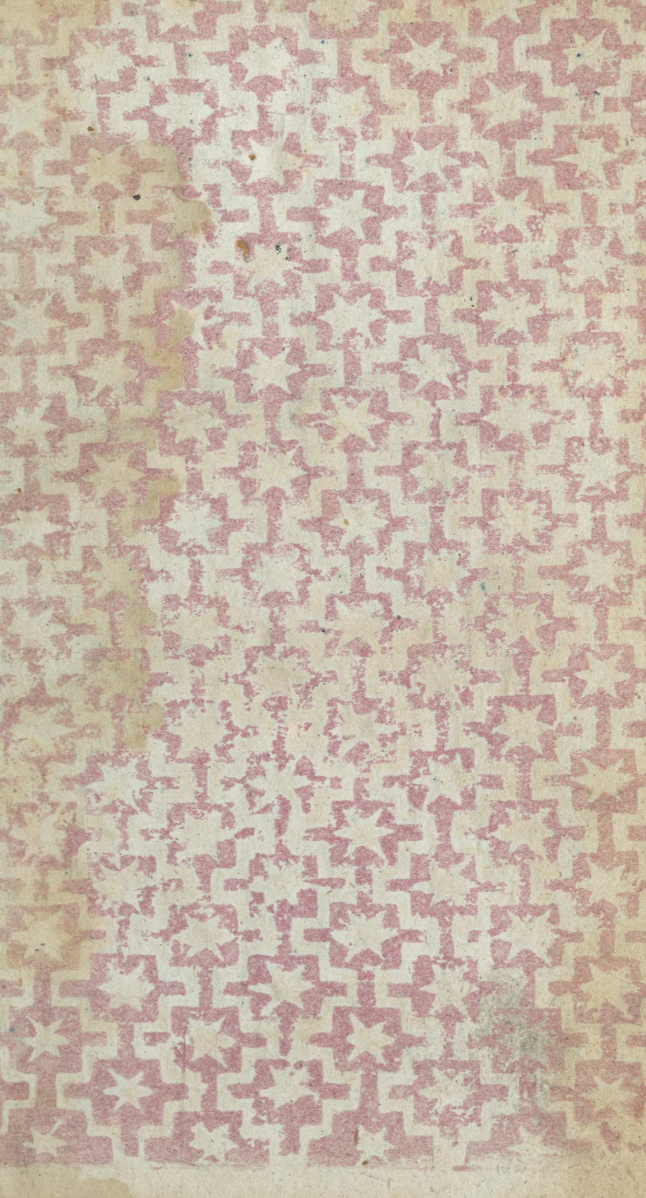

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 232.
ПОЛКА 5.
№ 184.
18. 232. 5. 184.
КА, 3
ШК, XX

Въ Казанскiй №о 2284
въ Московскую Н С

Роспись въ Московской
Н С А 1783 году
№о 54

НАНСИ

или

пагубныя слѣдствiя ревнивости и безразсудной вѣтренности.

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ

изъ

СОЧИНЕНIЙ Г. Д. АРНОДА.

Переведена

съ

Французскаго языка

Моисеемъ Смирновымъ.

печатано

въ Типографiи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса.

1783 года.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Я предприняль посвятить вамъ еще нѣчто изъ плодовъ моего упражненія. Благосклонность съ коею Вы приняли первое мое приношеніе и усугубленные опыты Вашего ко мнѣ благопріятства побудили, и нѣкоторымъ образомъ обязали меня къ тому. Я уповаю милостивый государь, что вы неотвергнете сего слабаго засвидѣтельствованія моей къ Вамъ преданности и того отличія, которое Вы разумомъ и добротою сердца праведно заслуживаете. Мое единственное желаніе есть удостовѣрить Васъ въ томъ нелицемѣрномъ почьтеніи, съ которымъ я всегда къ Вамъ имѣю честь быть.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Вашего Высокоблагородія.

покорнѣйшій и усерднѣйшій слуга

Моисей Смирновъ.

НАНСИ
или
пагубныя слѣдствія ревнивости и безразсудной вѣтренности.

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ,

Изъ всѣхъ припадковъ удручающихъ разумъ человѣческой, рѣвнивость и безразсудная вѣтренность суть можетъ быть самые опаснѣйшіе и которые тѣмъ труднѣе излѣчить, что дѣлаютъ лѣстною въ нашихъ глазахъ самую ту слѣпоту, въ которую погружаютъ и заставляютъ нѣкоторымъ образомъ убѣгать всего того, что въ состояніи подать какое либо просвѣщеніе. Хотя оба

сiи припадка показываются намЪ подЪ разными видами; однако же дѣйствiя ихЪ суть одинаковы. Ревнивость, сопровождаемая всегда недовѣрчивостiю, безЪ всякой осторожности предается оной и растворяетЪ сама себѣ ядЪ, снѣдающiй ее; вѣтренность же напротиву того, чужда будучи всякихЪ подозрѣнiй, стремится кЪ погибели своей безовсякаго опасенiя, и не преждѣ усматриваетЪ пропасть подЪ ногами, какЪ по низверженiи уже вЪ оную. Коль страшную узримЪ мы картину, изображающую намЪ пагубныя слѣдствiя сихЪ двухЪ источниковЪ бѣдствiй и заблужденiй. Я желалЪ бы чтобЪ сiе приключенiе было читаемо сЪ пользою тѣми молодыми людьми, коихЪ можно еще направить на стезю истинную, чтобЪ ихЪ сострадание отверзло имЪ путь кЪ поученiю, и слезы не вотще проливаемы были, но послужили кЪ сооруженiю ихЪ счастья и добродѣтели.

Нанси имѣла тогда отроду шестнадцать лѣтъ, возрастъ въ которомъ обыкновенно оказываются, наипаче въ ея полѣ, внѣшнія прелѣсти. Ея красота соединенная съ пріятностію возвышаема была сверхъ того многими другими дарованіями. Сиръ Робертъ Герстордъ отецъ ея, которой былъ обязанъ всѣмъ счастіемъ своимъ благопріятству двора, скончался скоропостижною смертію и оставилъ вдовствующей женѣ своей съ дочерью всего доходу не болѣе ста гиней. Такимъ образомъ надлежало имъ заключиться въ тѣсныхъ предѣлахъ новаго своего состоянія: но сего перваго посѣщенія рока недовольно было къ ихъ наставленію; онѣ нестарались снискать себѣ сей мудрости, которую раждаетъ размышленіе; сей привычки быть удаленными отъ многолюдства и находить удовольствіе въ уединеніи; сей строгости нравовъ, приличествующей посредственному состоянію и доста-

ставляющей утѣхи, роскоши и богатству можетъ быть неизвѣстныя; онѣ не знали особливо сей скромности, которую почесть можно достоянїемъ несчастныхъ, и которая ограждаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ отъ тягостныхъ и уничижительныхъ ударовъ злополучїя. Сердце Нансино давно уже было повреждено худыми внушенїями, кои толь несвойственно именуются добрымъ воспитанїемъ. Все возвещало въ сей молодой особѣ свойства госпожи совершенной; сїя досадительная вежливость, вздорные и неистовые прихоти, противныя кривлянїя, изученная вѣтренность и тому подобныя безчисленныя глупости, коими отличается у насъ женщина именитая и которыя къ стыду нашихъ соотечественниковъ вмѣсто презрѣнїя дѣлаютъ ее любви достойною въ ихъ глазахъ. Однакожъ Нанси обѣщавала въ себѣ множество и добродѣтелей, а особливо честность, которая

одна

одна могла замѣнить всѣ ея несовершенства.

Мать ея не долго пребывала въ семъ заблужденіи, которое было не иное, что какъ остатки упоенія прежняго ихъ состоянія; глаза ея вскорѣ открылись; она изслѣдовала сіи сообщества и примѣтила, что многолюдныя посѣщенія ей дѣлаемыя были основаны на одной внутренной и жестокой радости, которую большая часть людѣй вкушаютъ сравнивая свое благосостояніе съ бѣдствіемъ другихъ; усмотрѣла такъ же, что несчастіе вдыхаетъ почти всегда во благоденствующихъ и съ ними обращающихся нѣкоторое вольное и оскорбительное обхожденіе, что сіе мнимое соучастіе въ злополучіи другихъ принимаемое, есть не иное, что какъ холодность изъ презрѣнія проистекающая и что ихъ благосклонность отстоитъ не болѣе, какъ на одинъ шагъ отъ наглости кичливаго покровительства; при томъ не тру-

дно было ей увѣриться, что красота ея дочери особливо привлекала сïе колико праздное, толико и опасное знакомство. И подлинно, кто можетъ усумниться, чтобъ цель сихъ непотребныхъ развратниковъ, устремляющихся на любви достойную и счастïемъ оставленную особу, не была дерзостна и беззаконна? Самое величайшее оскорбленïе во время напасти ощущаемое есть то, что мы лишаемся нѣкоторымъ образомъ нашего уваженïя, толико льстящаго слабости человѣческаго самолюбïя; умноженïе числа вышшихъ надъ нами бываетъ обыкновенно намъ нестерпимо; а нещастный видитъ по всечастно властителей надъ собою во всѣхъ окружающихъ его.

Но несмотря на сïе Нанси была противныхъ мыслей съ своею матерью, и предмѣты со всѣмъ въ иномъ видѣ представлялись ея взору. Будущее время обѣщевало ей знаменитое замужство, которое долженствовало

возвести

возвести ее на высочайшую степень счастья и великости: на семъ то единственно основывалась вся ей надежда, и ничто не могло унизить ея тщеславія. Не было по ея мнѣнію ни Лорда, ни Барона изо всѣхъ Королевствъ Англію составляющихъ, коибъ не плѣнялись ея прелѣстьми. Однажды случилось, что Милордъ Дюкъ будучи въ театрѣ посмотрѣлъ на нѣе пристально, и съ того времяни овладѣло ею самолюбіе непомѣрное.

Мать ея, видя дочь свою стремительно ввергающуюся въ очевидную погибель, жестоко смутилась, и не отлагая времяни вознамѣрилась приступить къ слѣдующему съ нею разговору.

Нанси сказала, она ей нѣкогда, твои поступки начинаютъ меня устрашать и такъ послушай, дочь моя. Въ словахъ моихъ ты на услышишъ строгости матерней, но кротость нѣжность и дружбу чистѣйшую; такъ любезная дочь

моя, то другъ твой, то единственный твой другъ, которой имѣетъ тебя въ объятіяхъ своихъ и орошаетъ своими слезами: они истекаютъ изъ глубины моего сердца; но твое не ужъ ли будетъ безчувственно? Я хочу показать тебѣ ужаснѣйшую стремнину, съ которой ты низвергаешися. Правда, я сама учинила проступокъ не обычайный, Нанси но теперь въ томъ признаюсь и хочу его исправить: ты имѣешъ прелести, кои вседневно умножаются, и я могла бы забыть крайность нашего состоянія; но они суть слабыя преимущества, если не будутъ совокупны съ добродѣтелью. Съ добродѣтелью! вскричала Нанси. . . . Пожалуй выслушай меня, продолжала мать ея. Почти не возможно взять довольной предосторожности, что бы соблюсти въ цѣлости сію добродѣтель, которую самомалѣйшее небреженіе помрачаетъ. И такъ Нанси вѣдай, что если кто нещастливъ и смиряться не умѣетъ

етъ а къ тому еще вѣтренъ и всегда по среди общества; то повѣрь мнѣ что рѣдко таковаго почитаютъ во оныхъ; злоба всегда къ уязвленїю готова, и сего таить намъ не должно: чувствительность людская обманчива; къ несчастнымъ болѣе всегда оказываютъ презренїя. Вотъ любезная дочь моя, какое мы чувство производимъ; оно скрывается подъ обманчивою личиною вежливости наружной: но мы облечемся въ мужество, разсмотримъ оное со вниманїемъ и просвѣтимъ нашъ разумъ; скажемъ смѣло, что мы несчастны и подъ симъ названїемъ мы мало будемъ привержены свѣту; одна лишъ подлость и порокъ могутъ о счасливить въ ономъ наше бытїе. Но увы! какое ето бытїе, дражайшая Нанси! соберемъ остатки нашихъ силъ и научимся быть собою довольными; подщимся учинить наше уединенїе нетокмо сноснымъ, но и прїятнымъ. Завтре же поѣдемъ мы въ деревню и сокроемся въ

такомъ убѣжище, гдѣ ты научишся всему, что можетъ устроить твое повѣденїе непорочнымъ и безопаснымъ отъ укоризны; въ семъ то спасительномъ пристанище мы заслужимъ уваженїе сего свѣта, которой можетъ быть скоро отказалъ бы намъ во ономъ между тѣмъ прервемъ сїи многолюдныя посѣщенїя, коихъ поздо или рано ты будешъ неминуемо жертвою.

Съ начала Нанси приняла было охотно предложенїе своей матери; но потомъ размысля, или предавшись, лутче сказать обманчивымъ тщеславїя внушенїямъ охладѣла. Влачить, говорила она, жизнь скучную! обладать толикими прелѣстьми и не имѣть почитателей! не получать ниединой похвалы! словомъ быть одаренною красотою для однихъ токмо грубыхъ поселянъ, ахъ! это такое преображенїе, котораго и одна мысль уже несносна. Такимъ образомъ, въ чемъ мать ея усматривала страхъ, опа-

опасность и погибель неизбѣжную, то казалось ей позволенною забавою, щегольствомъ ничего незначущимъ и добродѣтели не оскорбляющимъ, искуствомъ неповиннымъ нравится, которое только что привлекаетъ, но отнюдь не порабощаетъ; питаетъ пріятное воображеніе услаждаетъ духъ, но сердцемъ ни коли не обладаетъ.

Нанси, принявъ твердое намѣреніе, чтобъ отнюдь невыѣзжать изъ города, употребляла всѣ ласки, прошенія и слезы предъ своею матерью въ чемъ ей и удалось. Ибо изъ всѣхъ слабостей матернихъ наипервѣйшая есть та, что онѣ въ подобныхъ случаяхъ сопротивляться дѣтямъ своимъ не умѣютъ. Такимъ образомъ остались онѣ въ Лондонѣ и пріѣзжающихъ принимали по прежнему; но несчастнѣйшая мать всегда съ горестію взирала на окруженную толпами почитателей дочь свою, кои о томъ токмо и старались чтобъ удержать ее въ семъ то-

лико целомудрїю и здравому разсудку предосудительном очарованїи.

Слигтман был из первеньких между вертопрахами, которые посѣщали их каждое утро; его одежда, карета и ливрея, непристойная живость, продолжительные ужины, большїе игры, все дѣлало его по модѣ. К томужъ как он мнил, что лѣстно, за какую бы то цѣну ни было, обратить на себя вниманїе публики и возбудить о себѣ всеобщую молву; то подкупал разных сочинителей еженедѣльных листков, чтоб они немолчно славили его во всѣх изданїях своих. Таковым споспѣшествованїем обязан быв ядовитому сочинителей перу, прощал он и самые сатиры до него касающїяся, с тѣм только, чтоб они пространно были писаны. Будучи жаден ко всѣм сообществам и собранїям имѣл он счастливое волшебство раздѣлять себя и являться вдруг

то

то въ театрахъ, какъ то въ Дрюри Ленъ, и въ Гаймаркетъ, то въ Ваксалѣ, то въ Ренелагѣ; сверьхъ того клялся и божился отборными словами; бивался на-кулачки съ прїятною размашкою; былъ первой герой во всѣхъ трактирахъ, самой горячей охотникъ и глава и повелитель удалаго сборища въ Марибонѣ. Таковы были рѣдкїя достоинства Слигтмана. Онъ бывалъ такъ же въ чужихъ краяхъ съ немалою пользою, и вывезъ съ собою во всякой исправности все что имѣется глупаго у нашихъ сосѣдей; на примѣръ: чесалъ волосы по Французски, упивался по Нѣмецки присоединялъ Британическую гордость къ важности Гишпанцовъ и напѣвалъ не безъ прїятности лучшїя арїи изъ разныхъ оперъ и былъ явной покровитель Виртуозовъ. Иногда представлялъ онъ глубокомысленнаго политика называя себя Вигомъ или Торрисомъ; нынче держалъ сторону двора, завтре передавался на-

противную, словомъ со времени, какъ Богъ сотворилъ Баронетовъ, Слигтманъ былъ изъ рода сихъ наипрекраснѣйшее и наихуждшее творенїе, каковое только можно представить себѣ на всемъ земномъ кругѣ. По сему не трудно вообразить себѣ, что подобное созданїе уповало привлечь всякаго къ себѣ; и подлинно все ему споспѣшествовало утвердиться въ семъ мнѣнїи его о себѣ самомъ. Двадцать человѣкъ всесовершенныхъ удальцовъ были всегда въ готовности слѣдовать за нимъ въ Фоттскую церьковь; (*) такимъ образомъ сопровождаемъ будучи славою толико его ослѣпляющею, льзя ли было ему отчаеваться въ обращенїи на себя вниманїя Нансина? онъ внесъ уже имя свое въ спискъ счастливыхъ любовниковъ; оставалось

(*) Его такая церьковь, въ которой можно было удобно вѣнчаться, не дѣлавъ о томъ возглашенїй и обнародованїй, повелѣнныхъ законами, и столь полезныхъ для фамилїй.

лось только вступить въ сіе достоинство и во владѣніе своего пріобретенія, для коего употреблялъ онъ всѣ роды щегольства, и игралъ роль совершенно открытаго любовника. Нанси, которая по свойству своему готова была по жертвовать истинною и природою глупой модѣ и неистовству уважать все, что ни есть наибезумнѣйшаго во всей Англіи, не неприминула отличить Барона отъ всѣхъ его соперниковъ; она уже почитала себя любимою и думала, что сей любовникъ ею пылаетъ и ищетъ быть ея супругомъ, и для того принимала привязанность его съ удовольствіемъ, которая измѣняла ей. Между тѣмъ надлежало Слигтману изъясниться; ибо хотя онъ и оказывалъ предъ нею всѣ любовныя восхищенія, однако же о бракѣ никогда не говорилъ ни слова. Слабость и неразуміе усматриваемое въ сей несчастной фамиліи, ободряло бездѣльство искусителя и онъ на конецъ вы-

думалъ способъ, которой ему весьма понравился, чтобъ подъ видомъ отлучки изъ Лондона написать къ Нанси слѣдующее письмо.

„Я думаю, прекрасная Нанси, „что ты не сомнѣваешься о мо„ей къ тебѣ любьви; и по тому „надлежитъ намъ избѣгать сихъ „околичностей, кои влекутъ за„собою скуку и отвращенїе. Твоя „нѣжность столь велика и склон„ность къ оказанїю торжества „своихъ прелестей столь есте„ственна, что не можешъ не „возчувствовать цѣны своея по„бѣды. Божественная Нанси, ты „безподобная дѣвица въ свѣтѣ; и „такъ прилично ли мнѣ боять„ся соперниковъ? Кто можетъ „такъ любить, какъ я тебя лю„блю, твой разумъ, которой въ „глазахъ моихъ придаетъ тебѣ „новыя красы, освобожденъ безъ „сомнѣнїя отъ ига предразсужде„нїи; таковое небесное творенїе „можетъ ли послѣдовать мнѣ„нїю несмысленнаго народа? Для

„чего

,,чего же предписаны уставы?
,,Для того, чтобъ связывать
,,сїи подлыя души, кои лутчаго
,,не знаютъ состоянїя, какъ
,,только обременяться тяжестїю
,,оковъ и не имѣя довольныхъ
,,силъ чувствовать самихъ себя
,,со уничиженїемъ пресмыкаются
,,по предписаннымъ стезямъ и
,,существуютъ нѣкоторымъ обра-
,,зомъ по увѣренїю другихъ. От-
,,далимъ отъ себя нелепость
,,мнѣнїй предоставленную симъ
,,истуканамъ человѣчества; упо-
,,требимъ безъ боязни нашъ раз-
,,судокъ, разсмотримъ сїи тще-
,,тно почитаемыя узы, которые
,,не искусная грубыхъ людѣй ру-
,,ка содѣлала для нашего удо-
,,влетворенїя и порабощенїя. И
,,такъ, дражайшая Нанси, мо-
,,жетъ ли быть тамъ совершен-
,,ное счастїе, гдѣ нѣтъ полной
,,свободы? Для того ли ты про-
,,изведена, чтобъ имѣть сердце
,,стесненное узломъ запутаннымъ
,,нелепостїю обыкновенїя, до-
,,стойнѣйшаго тирана черни бе-

,,зумно

,,зумно оному повинующейся? ,,Единой лишь любви и красотѣ ,,твоей, обладательница моя, ,,предоставлено право располагать собою; отъ нихъ должна ты ,,заимствовать силу и могущество свое; оно свыше всѣхъ ,,уставовъ и обыкновенїй; клятвы сердцемъ произносимыя суть ,,не нарушимы и наисвященнѣйшїя. Возможноли намъ имѣющимъ разборчивость и просвѣщенїе вкушать забавы нѣжной ,,склонности, когда они будутъ ,,смѣшаны съ должностїю? сїе ,,изображенїе поистиннѣ наводитъ ,,на меня ужасъ. И такъ пребудемъ свободны, дражайшая моя, ,,такъ какъ и воздухъ, коимъ мы ,,питаемся. Будучи въ состоянїи ,,составить взаимно верьхъ нашего блаженства, было бы неслыханное, глупое и смѣху достойное дѣло, если бы кто изъ насъ ,,помыслилъ о разлукѣ; но хотя ,,бы счастїю нашему и воспослѣдовалъ конецъ, чему однакожъ не ,,возможно статься, ибо я все-

,,дневно

„дневно вижу и обожаю въ васъ
„открывающїя вновь прелѣсти;
„а супружество. . . какое это
„названїе! нѣтъ, нѣтъ, ты не
„перестанешъ во вѣки быть обла-
„дательницею моего сердца, вла-
„дычествуй по единой любови и
„владычеству твоему не будетъ
„конца.

„И такъ изъяснивши тебѣ
„нѣжную страсть мою, которою
„пылать буду по скончанїе мо-
„ей жизни, долженъ ли я упоми-
„нать еще о имуществѣ? твой
„жребїй будетъ жребїй жены по-
„читаемой и обожаемой, а если
„смерть меня изторгнетъ изъ
„твоихъ объятїй, тогда все мое
„имѣнїе будетъ тебѣ принадле-
„жать.

„Еще разъ повторяю, органи-
„вимъ обыкновенїя и привычки;
„пусть они будутъ достойными
„наставниками невѣжъ; послуше-
„ствуемъ разсудку, природѣ и
„нашимъ сердцамъ, они будутъ
„нашимъ вождемъ; повѣрь моему
„просвѣщенїю и предадимся на-
„шимъ

,,шимъ склонностямъ. Въ сїю са-
,,мую минуту, когда я къ тебѣ
,,пишу, въ мысляхъ повергаюсь
,,предъ тобою на колѣни и умо-
,,ляю тебя рѣшить мою судби-
,,ну, я не требую при семъ отъ
,,тебя подробнаго и точьнаго
,,на то согласія. По приѣздѣ мо-
,,емъ изъ деревни прилѣчу я при-
,,нять у ногъ твоихъ опредѣленїе
,,моего рока. И естьли дозво-
,,лишъ мнѣ съ собою увидѣться;
,,то тѣмъ совершишъ мое сча-
,,стїе, и тогда я жить стану
,,только для того, чтобъ быть
,,твоимъ любовникомъ, и чтобъ
,,почитать тебя и обожать во
,,весь остатокъ дней моихъ. Есть-
,,ли же буду я лишенъ твоего
,,лицезренїя, какой это будетъ
,,для меня ударъ! о небо! не уже-
,,ли должно мнѣ разлучиться съ
,,тобою на вѣки?

Вашъ вѣрный любовникъ и проч.

P. S. ,,Мы возмемъ такїя мѣ-
,,ры, кои освободятъ насъ отъ
,,обыкно-

,,обыкновенныхъ представленіи ,,вашей любезной и почтенной ,,матушки. Въ таковыхъ случаяхъ надлежитъ убѣгать отъ ,,совѣтовъ родственниковъ; симъ ,,простодушнымъ людямъ должно оставить закоснелость предразсужденій." Ты меня понимаешъ, любезнѣйшая моя; ей ей! любовь смышленѣе, нежели они и ,,мы ей повинуемся; не правда ли ,,душа моя? скажи, что такъ.,,

Едва лишъ Нанси прочла сіе письмо, то не медлѣнно приказала, чтобъ двери на всегда были заперты для дерзновеннаго Слигтмана. Вѣтренность сей молодой особы не препятствовала быть ей добродѣтельною, и она утѣшалась не мало тѣмъ, что не могла себя ни чемъ укорить. Такимъ образомъ обнадѣявшись на сіе внутреннее признаніе, не хотѣла она отступить отъ первыхъ своихъ мыслей. Тщетно мать ее старалась представить глазамъ ея слѣдствія не осторожности ее и съ нѣкоторою при

томъ

шомъ суровостїю; она употребляла опять прежнїя средства и чрезъ то воспользовалась матернею слабостїю и паки ею овладѣла.

Письмо Бароново не мало возвысило не скромное ея тщеславїе; она съ надмѣнностїю говорила о томъ съ подругами своими; представляла глазамъ ихъ Слигтмана непрїятелемъ побѣжденнымъ, прикованнымъ къ ея колесницѣ и котораго пораженїе возвышало блистанїе красоты ея; она почитала сїе дѣйствїе самолюбїя достовѣрнымъ свидѣтельствомъ ея благоразумїя, и важнымъ возраженїемъ противу всякаго, чтобъ ни дерзнулъ порицать ее вѣтренность и неосторожное поведѣнїе: но спокойствїя совѣсти довлѣетъ ли къ торжеству добродѣтели? суждение общества премного къ тому способствуетъ; недовольно чтобъ быть не виннымъ только для себя, но надобно и передъ другими таковымъ казаться.

Таковое

Таковое произшествïе долженствовалобъ служить вѣчнымъ для Нанси поученïемъ; но она тѣмъ только возносилась и изъ одной неосторожности поступала въ другую, подвергая себя такимъ подозрѣнïямъ, коихъ отнюдь не заслуживала; она дозволяла писать къ себѣ письма, не разсуждая ни мало, что можетъ отъ того произойти ей погибель, что и случалось не рѣдко ея полу; напослѣдокъ обвиняли ея и въ томъ, яко бы она имѣла тайное свиданье; и подлинно вся ее наружность оное подтверждала въ самомъ же дѣлѣ была она невинна и тѣмъ только могла себя упрекать, что непредусматривала слѣдствïй, которыя ея не осторожность влекла за собою. Но при всемъ томъ нравъ ея не перемѣнился; тщеславïе столько же ею обладало какъ и вѣтренность, и сïи двѣ погрѣшности къ которымъ свѣтъ излишное можетъ быть имѣетъ снисхожденïе

вверъ-

ввергаютъ нерѣдко во всѣ злоключенія пороковъ.

Театральныя зрѣлища были не изъ послѣднихъ ее забавъ; одинъ разъ привлечена будучи новымъ представленіемъ въ Гаймаркетской театръ, обратила зрѣніе на себя всего собранія; никогда искусство не спосшествовало лучше къ умноженію природныхъ ея прелѣстей; она почиталась образцомъ въ нарядахъ и исправляла часто самые Французскія моды; особливо въ томъ день нарядъ ея былъ сей отличной чистоты и вкуса, которыя возвышаютъ красоту несравненно больше, нежели блистаніе богатства. Одинъ молодой человѣкъ наипаче ощутилъ силу ея прелѣстей; онъ назывался Бентлей, и недавно пріѣхалъ изъ восточной Индіи, былъ капитанъ короблям, которой купилъ ему отецъ его. Уже примѣчено, что одного мгновенія довольно, дабы возродить наивеличайшія страсти. Бентлей влюбясь страстно забылъ позорище и все что

его ни окружало; едина лишь любовь взоръ и мысли его занимала; онъ непрестанно взиралъ на Нанси; душа его и очи устремлялись на сей единственный предмѣтъ; желалъ нетерпѣливо узнать имя, состоянїе и жилище своей возлюбленной незнакомцы; то что онъ услышалъ объ ней, болѣе еще воспламенило его и растравило его тщеславїе: ему сказано, что Нанси была изъ числа тѣхъ прелѣстницъ, кои удовлетворяясь одними побѣдами, умѣютъ соединять мудрость съ искусствомъ нравиться; то есть изъ числа кокѣтокъ, гораздо опаснѣйшихъ можешъ быть, нежели благосклонныя красавицы уничижаемые порокомъ. Однако же Нанси не столько уже стала предаваться вихрю празныхъ сообществъ и разсѣянности, но начала склонять ухо къ представленїямъ своей матери и кажется обѣ здѣлались гораздо разборчивѣе въ выборѣ ихъ сообщества. Такимъ образомъ Бентлею не безъ труд-

 ности

ности было сыскать случай съ нею свидѣться; но будучи сопровождаемъ честностїю, столько же сколько и любовїю, написалъ онъ письмо къ матери сей молодой дѣвицы, гдѣ изъяснилъ подробно всѣ нужные обстоятельства и намѣренїе имъ предпринятое, а при томъ усильно просилъ, чтобъ приняли его въ число тѣхъ щастливыхъ дочери ея почитателей, кои стараются получить ее руку. По учиненїи нѣкоторыхъ освѣдомленїй, которые отъ всюду благопрїятствственны были для Бентлея, дано было ему сїе дозволенїе толико имъ желаемое. И такъ полѣтелъ онъ къ Нанси, но нашелъ только одну мать: виды будущаго благополучїя и близкой бракъ были предмѣтомъ ихъ разговоровъ: но сему новому любовнику сказано было въ короткихъ словахъ, что онѣ весьма чувствительны къ учиненному имъ предложенїю, но какъ Нанси не имѣла соотвѣтствующаго достатка; то и неможетъ принять супругомъ

пругомъ своимъ, какъ только такова человѣка, которой бы былъ властенъ самъ собою заключить брачной договоръ. Бентлей зависѣлъ отъ воли своего отца; и мать Нансина была столько благоразумна и честна, что не хотѣла ни какъ воспользоваться слабостію молодаго человѣка, любовію воспламененнаго. Она не таилась, что родители смотрятъ совсѣмъ иными глазами, нежели ихъ дѣти и что не рѣдко въ таковыхъ союзахъ они взираютъ больше на благопристойность и сходство состояній; нежели на нравы и взаимную склонность; къ чему она примолвила еще, что Бентлей не иначе можетъ глазамъ ихъ являться, какъ съ родительскаго согласія. Молодой человѣкъ пришелъ отъ того въ крайнее смущеніе и не зналъ что отвѣчать, вѣдая непреклонный нравъ своего отца, и неприступность его къ любовнымъ поползновеніямъ; которой ни на что не взиралъ и ничего непочиталъ

болѢе богатства, и потому никогда не могЪ согласится избрать себѢ вЪ ненависти, кромѢ достаточной, и такой которая бы добрымЪ присмотромЪ и хозяйствомЪ умѢла еще избытокЪ приумножить. Нанси же ничего не имѢла опричь красоты своей и добродѢтели, которую при томЪ еще и оклеветать старались. ВЪ то самое время входитЪ она вЪ покой; Бентлей поражется ея прелѢстьми, обѢщаетЪ исполнить все, они другЪ другу нравятся и Бентлей возвращается будучи очарованЪ своею обладательницею.

Нанси оставшись на единѢ сЪ своею матерью, дала сердцу своему полную свободу кЪ наслажденію радостію. Она нашла наконецЪ супруга достойнаго ея любви и которой возведетЪ ея на степень щастія и почестей. Мечты наипріятнѢйшія играли вЪ ея воображеніи. ВЪ какой же она славѢ красоты своей явится! сколько другія женщины предЪ нею

нею будутЪ униженны! и какое то удовольствіе восторжествовать надЪ ними! такимЪ то образомЪ молодые люди во ожиданіи своего щастія предаются всему воскипѢнію надмѢннаго самолюбія. Она бы устрашилась, естьли бы кто извлекЪ ея изЪ сего толь пріятнаго сномечтанія, а истинна возбуждаетЪ отЪ онаго не преждѢ, какЪ бдѢніе станови тся уже безполезно.

Мать ея паки имѢла сЪ нею разговорЪ, которой долженствовалЪ предохранить Нанси отЪ сетей, вЪ кои она готовилася впасть: дочь моя, говорила сія благоразумная и добродѢтельная мать, я вижу сЪ горестію, что ты уступаешЪ безЪ сопротивленія мечтамЪ, кои могутЪ обольстить тебя; и кажется потребны величайшія напасти, дабы тебя исправить; но вѢдай что тогда будетЪ раскаяніе тщетно. Ты, я вижу, почитаешЪ Бентлея такимЪ мужемЪ, котораго благополучная судьба тебѢ ниспосылаетЪ.

сылаетъ. Но, возлюбленная Нанси, открой свои глаза и разсмотри; вить мы богатства не имѣемъ; а красота даже и добродѣтель браковъ несодѣваетъ: одно лишь щастїе соединяетъ супруговъ. Отецъ Бентлеевъ недопуститъ николи, чтобъ сынъ его имѣлъ твою руку. А для чегожъ бы не такъ, отвѣчала Нанси, не ужъ ли онъ не склонится на прошенїя своего сына. Я полагаю, что нѣжность, которою Бентлей комнѣ пылаемъ сильняе предразсужденїй и грубости его родственниковъ: развѣ не было примѣровъ... Ахъ! любезная дочь моя, что ты говоришь? вотъ что приводитъ въ заблужденїе молодыхъ людей нашего пола! ты мнѣ, я знаю, представитъ въ возраженїе тѣ примѣры; Мисъ-Гарингтонъ, которая вышла за Вицероя Ирландскаго, Лорда Старлея возведшаго на знатную степень дочь своего секретаря, Милорда Дюка Пемброка, которой сочетался съ Дѣвицѣю Белли; ты

взираешъ

взираешь на одни только рѣдкія случаи: но посмотри же по томъ въ Весминстерскомъ кварталѣ и на сіе сугубое число жертвъ своего неразумія и глупаго самолюбія, кои всѣ повержены въ крайнюю нищету и уничиженіе. Нѣтъ ни одной изъ сихъ молодыхъ нещастливицъ, которая бы не была увѣрена во внутренности своего сердца, что она будетъ женою изъ первѣйшихъ нашихъ Лордовъ. И такъ, еще разъ повторяю тебѣ Нанси, что мы въ такомъ положеніи, которое предполагаетъ много затрудненій твоему благосостоянію, и мы не можемъ иначе принимать посѣщеній отъ Бентлея, какъ съ тѣмъ договоромъ, что бы отецъ его вѣдалъ о его намѣреніи и далъ бы ему на то свое соизволеніе; тогда я первая буду споспѣшествовать его склонности, которая тебя уже приводитъ въ заблужденіе. Страшися дочь моя, чтобъ нѣжность твоего сердца тебя не погубила; любовь въ нашемъ по-

лѣ есть источникъ многихъ печалей, а не рѣдко и погрѣшностей не загладимыхъ. Заклинаю тебя именемъ дружества, не употребляя къ тому власти матерней, и прошу тебя. . . Дражайшая Нанси, не предавайся лѣстной твоей надѣждѣ; но послушествуй истиннѣ: сїя истинна моими къ тебѣ устами гласъ свой простираетъ, которую юношество старается отвергнуть. . . Повѣрь мнѣ въ томъ дочь моя и возри на мои слезы, на слезы матери твоей; они тебя необманутъ; убѣгай страсти сей въ началѣ, пока ее не трудно еще побѣдить.

Нанси была тронута съ толикою горячностїю преподаваемыми совѣтами; она неоднократно лобзала и обнимала мать свою и слезы свои съ ее соединяла: но сїе обыкновенно съ нею случалось, свойство же ея ни малой отъ того перемѣны не получало; она паки погружалась во лжемечтанїя, кои представлялись ей въ обиль-

обильномъ ея воображенiи. Должно ли чтобъ умъ человѣческiй толико порабощался буйству? онъ упорно гоняется за призракомъ; подобно сему нещастному насекомому, которое непрестанно обращается ко пламени ея ожигающему.

Влюбленный Бентлей отселѣ началъ инако смотрѣть и разсуждать. Онъ ласкалъ себя, что достигнетъ до своего желанiя и получитъ соизволенiе отца своего, отца, котораго до сего времени почиталъ человѣкомъ непреклоннымъ; надѣяся особливо, что время доставитъ ему способной случай смѣло изъясниться съ нимъ: всемъ ожиданiи думалъ, что онъ не оскорбитъ честности, употребя хитрость и ложъ: вотъ до какова безчестiя могутъ доводить насъ страсти, и въ какiя поносныя заблужденiя ввергаетъ насъ любовь! Бентлей предсталъ опять къ Нансиной матери, увѣренъ будучи, какъ говорилъ онъ ей, о соизволенiи отца

ца своего и продолжалъ посѣщенія свои; каждая минута присовокупляла по томъ нѣчто къ живѣйшей его нѣжности, и онъ вдохнулъ наконецъ въ свою любезную всю ту горячность, которою самъ распалялся.

Однако же Нанси весьма было трудно успокоить встревоженую мать свою, которая будачи утруждена непрестанными отсрочьками и вымышленными отводами, откровенно объявила, чтобъ Бентлей или немедлѣнно женился на ея дочери, или бы со вѣмъ отъ нихъ отказался. Сія рѣшительность, которой со ротивляться было не возможно, поразила смертельнымъ ударомъ нещастнаго полюбовника: онъ признался во всемъ своей обладательницѣ, что для подкрѣпленія своего употребилъ обманъ, которой Нанси во уваженіе побудительныхъ притчинъ, въ томъ его не только простила, но и сама была его сообщницею, стараясь купно съ нимъ утѣ-

шать

шать мать свою надѣждою, которая не могла ее больше ослѣпить и хитрости ихъ были безполезны: жало бы ея и строгія повелѣнія, чтобъ онъ не инако имъ показывался какъ съ тѣмъ чтобъ приступить ко олтарю, опять возобновились. Сїе привело Бентлея въ отчаянїе; будучи удрученъ своимъ состоянїемъ столько же какъ и чувствованїями, коими онъ болѣе не властенъ былъ управлять, бѣжитъ къ своему отцу, припадаетъ къ его ногамъ и орошаетъ ихъ слезами: родитель мой! говоритъ онъ, вы видите у ногъ вашихъ поверженнаго и жизни своей и спрашивающщаго человѣка; такъ отче мой, о жизни моей васъ умоляю; я учинилъ проступокъ, которой исправить уже не въ силахъ, я отдалъ мое сердце безъ вашего на то соизволѣнїя... Такъ ты женился, прервалъ рѣчь его старикъ, грубымъ и вспыльчивымъ голосомъ? — Нѣтъ я еще не обязался симъ священнымъ

узломЪ: но родитель мой, я желалЪ бы присоединить оной кЪ тому, которымЪ любовь меня связала уже на вѣки. . . . Я люблю красоты, добродѣтели и прелести примѣрЪ. . . . Да богата ли она? — Сего то батюшка, слабаго у ней преимущества не достаетЪ, и я пришелЪ. . . . Но отецЪ недостойнѣйшїй отвергаетЪ своего сына: — жениться, говорилЪ онЪ, на дѣвкѣ бѣдной! да какЪ это и подумать! скройся сЪ глазЪ моихЪ не благодарной; ты недостоинЪ нарицаться моимЪ сыномЪ! — батюшка! . . . Молчи и страшись моего мщенїя: естьли бы ты былЪ мой сынЪ, ты бы имѣлЪ чувства благороднѣе. . РазвѢ ты не знаешЪ не смысленный, что одно богатство доставляетЪ намЪ почтенїе? а милости, заслуги и достоинства предЪ онымЪ ничто. . . . ГлупецЪ, естьли книги твои тому тебя не научили, то научись изЪ опыту и свѣтскаго обращенїя; они наста-

вники наши, кои показуютЪ намЪ истинну; и гдѢ бы ты былЪ, естьлибЪ я таковыми же какЪ и ты баснями ослѢпился. Я не имѢлЪ ни копѢйки, мать же твоя хотя была дурна и не извѢстной породы; но она была достаточна, я старался ей понравиться, и потомЪ женившись на ней здѢлался богатЪ и щастливЪ. Благополучїе наше возрастаетЪ по мѢрѢ нашего достатка.

АхЪ! батюшка, такЪ поетому вы щастїемЪ ни коли не наслаждались! какое ето удовольствїе быть благотворителемЪ любезнаго предмѢта! и какоебЪ имѢлЪ я утѢшенїе отмстить за Нанси не справедливому ея року! . . . — Ето романической вздорЪ! да полно, что! влюбленные всегда бываютЪ безкорыстны и великодушны! . . . Но ты меня знаешЪ и такЪ послушай; я не хочу льстить твоему сумозбродству и вотЪ, что тебѢ скажу, что естьли ты сей женщи-

ны во все не оставишъ, то я лишаю тебя наслѣдства. Понимаешъ ли ты меня? другова не будетъ тебѣ наслѣдія отъ меня опричь моего проклятія, и ты отнюдь на глаза мои не кажись, естьли не перестанешъ говорить о своей любви, которая меня раздражаетъ и которую ты долженъ истребить.

Бентлей проговорилъ было еще нѣсколько словъ прерывающихся слезами; но старикъ неумолимой вышелъ и безъ жалости оставилъ его въ отчаяніи.

Сколь жестоко уязвилось сердце нещастнаго Бентлея! хотя онъ не думалъ сопротивляться нѣжной своей страсти, которая всечастно усугубляла свои силы; но какимъ же образомъ показаться ему Нанси, послѣ сего толь страшнаго приговора не милосердымъ отцемъ ему учиненнаго? Можетъ ли онъ снести ея присудствіе? И какой же дастъ отвѣтъ матери ожидающей съ нетерпѣливостію совершенія брака,

ка, отъ коего любовники отрещися долженствуютъ?

Такимъ образомъ удрученъ будучи несносною печалью, впалъ онъ въ жестокую болѣзнь; о которой поручено было одному изъ его друзей увѣдомить Нанси, не объявляя при томъ причины его скорби: когда же сталъ онъ обмогаться, то первѣе всего старался свидѣться съ возлюбленною своею: гдѣ дочь и мать видѣли его обремѣненнаго тоскою, причины же тому ни мало не подозрѣвали; и когда онъ возводилъ очи свои къ небу, то потуплялъ ихъ въ землю, то устремлялъ на свою обладательницу, и по томъ съ слезами тяжкіе вздохи испускалъ; уже онъ болѣе не хаживалъ къ нимъ въ обыкновенные часы; грусть и печаль казалось непрестанно его сопровождали; когда вопрошали его, для чего онъ медлитъ и не приступаетъ къ совершенію брака, тогда лице его измѣнялось, уста слѣплялись и языкъ

немѣлъ;

немѣлъ; а естьли онъ и отвѣтствовалъ, то темными и худо произнесенными словами; Нанси видя его таковое смятенїе и раздѣляя съ нимъ оное скорбѣла; въ глубокой его задумчивости исчезла прежняя веселость; не стало болѣе живости и всѣ смѣхи миновались.

Таковымъ его состоянїемъ встревоженная мать ея и будучи утружденна тщетными и безъ исполненїя обѣщанїями, вознамѣрилась предприятой поступокъ свой сокрыть отъ своей дочери. Однимъ утромъ пришла она въ домъ Бентлеева отца, и вошедши въ его покои и спросила тайнаго съ нимъ переговора. Старикъ во-угожденїе ее выслалъ всѣхъ своихъ служителей; но она въ изумленїи обозревая повсюду сокровище взоръ ея поражающее, смутилась и весьма худыя изъ того слѣдствїя себѣ предвозвѣщала. Какими то судьбами богатство приводитъ въ трепѣтъ наипаче злополучныхъ! сїя самая робость,

усугубляющая дерзновеніе человѢка въ изобиліи суща, удостовѢряетъ, что его состояніе всѢхъ земнородныхъ превышаетъ. А естьли бы нещастной могъ увѢрится, что сносить нещету безъ подлости, есть величіе души, тогда бы взоръ богатаго смущался. Но Нансина мать не знала сей добродѢтели, которую ей ополчится надлежало. Такимъ образомъ приступая съ видомъ изъявляющимъ смятеніе и съ голосомъ безнадѢжнымъ: государь мой говорила она старику, коего надмѢнность умножалась по мѢрѢ ея робости, я мать той, съ которою сынъ вашъ желаетъ сочетаться бракомъ; онъ увѢряетъ насъ, что сіе дѢлаетъ съ вашего соизволѢнія. . . — Да не Нанси ли это, о которой вы мнѢ говорите? — Она самая, государь мой; ея честность, мои наставленія, мои примѢры, и наше состояніе. . . — Постойте сударыня, и вѢдайте что мой сынъ подлой обманщикъ, которой не избѢгнетъ достойнаго

го себѣ наказанія; я не только не одобрялъ его глупости, но имянно приказывалъ ему отстать отъ вашей дочери; она не для него сотворена, да я и вамъ удивляюсь, какъ могли вы подумать, чтобъ такая чета могла мнѣ нравиться; щастіе положило великую между нами разность! пускай дочь ваша будетъ благоразумна и ей можно пособить и поправить ея состояніе: но естьли же она съ упорностію пожелаетъ быть моей невеской, то я знаю чѣмъ привести васъ обѣихъ въ раскаяніе. . . .

Бѣдная женщина будучи тронута рѣчью толико ругательною, хочетъ перебить его слова, но не можетъ; источники слезъ изъ глазъ ея ліются; наконецъ она теряя чувства упадаетъ. Потомъ собравшись съ силами востаетъ и видя себя одну въ покояхъ оставленную уходитъ съ торопливостію, имѣя сердце смертельно уязвленное. Возвратившись въ домъ свой смотритъ и ищетъ

глазами

глазами дочери своей но отъ нее вручаютъ ей письмо слѣдующее:

„Недоставало силъ моихъ „вамъ открыться, ниже смѣло-„сти воззрѣть на васъ; по чему „я рѣшилась написать къ вамъ „сїе письмо. Жестокая тоска нѣ-„сколько мѣсяцовъ терзаетъ мое „сердце, которой я не въ силахъ „болѣе сносить и тучи непре-„станныхъ слезъ въ глазахъ моихъ „сгущаются, словомъ все предвоз-„вѣщаетъ приближающуюся ко мнѣ „кончину, которую я ожидаю съ „нетерпѣливостїю, и которая дол-„женствовалабъ освободить меня „отъ жестокой необходимости „вамъ открыться. . . . Но что „хочу я говорить? и что вы услы-„шите отъ меня? не видѣте ли, „что почтенїя достойнѣйшая и „изо всѣхъ нежнѣйшая мать оскор-„бленна? такъ, я востала про-„тиву неба, противу васъ и про-„тиву самой себя; вѣдайте дра-„жайшая моя родительница, есть-„ли я достойна еще произносить „сїе наименовонїе, которое во

„время

,,время невинности моей составляло все мое блаженство, вѣдайте, что я низшла во глубочайшее заблужденіе. Бентлей ,,любилъ меня безмѣрно! и васъ ,,обманулъ, увѣривши что онъ получилъ отъ отца своего дозволеніе на мнѣ жениться; не только въ семъ было ему отказано, ,,но и думать навсегда запрещалось, ниже видѣть и въ памяти ,,содержать нещастнѣйшую Нанси. Я вамъ не объявляла сего ,,жестокаго запрещенія, да и его ,,къ тому принуждала, что бы ,,онъ скрывалъ истинну, обнадѣживая васъ ложнымъ дозволеніемъ, которое навсегда намъ будетъ отказано; ето я, которая старалась истребить въ ,,Бентлее угрызеніе. Колико кратъ ,,готовился онъ пасти къ ногамъ ,,вашимъ и принести повинную во ,,лжи, которой одна любовь была причиною! матушка, вы сами тою же нѣжностью пылали, родитель мой былъ для ,,васъ любезенъ, и такъ подумай-

,,те,

„те, что мы противу нашей во-
„ли здѣлались преступными а я
„стократно еще больше, нежели
„Бентлей. Не должны ли вы
„имѣть всю мою доверенность? вы
„были наилутчимъ моимъ дру-
„гомъ; однако же я и дружбу, и
„законъ и матернюю горячность
„оскорбила; упрекайте меня всѣми
„злодѣяніями ; я ихъ учинила,
„сокрывши отъ нѣжной моей ма-
„тери поступокъ, за которой мо-
„жетъ статся довольно буду на-
„казана. Представте себѣ, что я
„къ ногамъ вашимъ повергаюсь, и
„по среди тяжкихъ воздыханій сіе
„произношу слово: матушка, Бен-
„тлей уже мой супругъ. . .

Онъ супругъ уже вскричала сія нещастнѣйшая мать, и истощенная силъ упала въ обморокъ, изъ котораго едва могла пріити въ себя такъ, матушка, мы соединились вѣчнымъ союзомъ, которой ваше благословеніе учинитъ священнѣйшимъ и не прерывнымъ. Нанси и Бентлей вошедъ между тѣмъ и повергшись къ ея ногамъ произ-

произносятъ сїи послѣднія слова и орашаютъ стопы ея слезами. Нанси цѣлуетъ руки своей матери, и сжимаетъ ихъ своими; сїя бѣдная женщина отверзаетъ наконецъ очи свои и издаетъ горестной крикъ, ахъ! матушка, не ужъ ли вы похотите мучить насъ лишенїемъ своей нѣжности, говорила ей Нанси такъ, примолвилъ Бентлей, мы испрашиваемъ вашего прощенїя, какъ единственнаго утѣшенїя, которое можетъ жизнь нашу сохранить. Подумайте сударыня, что вы стали моею матерью, и я за честь поставлю носить на себѣ имя вашего сына. О боже! или такъ же и вы будете неумолимы, какъ и отецъ мой? . . . котораго я больше не имѣю! — да какимъ ето образомъ могли вы такъ далеко простирать ваше притворство? ахъ! Бентлей, Бентлей, чѣмъ я заслужила таковой отъ васъ поступокъ? а ты, дочь моя, осмѣлилась тайно обвѣнчаться въ поруганїе власти и довѣренности матерней! . . . Не мнѣ ли

все

все сїе принадлежало, дочь неблагодарнѣйшая; и по семъ словѣ токи слезъ ея паки полились. По томъ обратясь къ Бентлею, начинаетъ: вѣдаете ли государь мой, что я была у вашего отца, которой пронзилъ кинжаломъ грудь мою, объявивши мнѣ съ ругательною грубостїю и тѣмъ заставивъ меня восчуствовать наше состоянїе, что дочь моя не долженствовала принимать отъ васъ предлагаемой руки? теперь то я кончаюсь, будучи удрученна печалїю и уничиженїемъ и вы то убивство довершаете. . . Увы, несчастные, что съ вами будетъ? по семъ, обнимая ихъ попеременно и проливая горькїя слезы, продолжала рѣчь свою: вы дѣти мои, такъ, вы дѣти всеконечно, я то чувствую по скорби, которую вы мнѣ причинили! но какажъ будетъ ваша участь? Принуждены будете всякую нужду претерпѣвать, тайно другъ друга видѣть и непрестанно опасаться жестокости отца непримиримаго,

го, котораго богатство здѣлало неукротимымъ; а ты дочь моя должна таиться, что ты жена, и что ты мать. . . . Жизнь моя вскорѣ прекратится, и я скончеваюсь увѣрена, что вы будете оба нещастны.

Съ того времени слабость ея умножалась и дни ея непрестанно умалялись. Многократно принималась она выговаривать своей дочери, но любовь матерняя всегда ея преодолѣвала. Всякой разъ, когда она Бентлея ни увидитъ, которой прихаживалъ къ нимъ ночью, подобно преступнику, которой укрывается отъ поисковъ, толико кратъ душа въ ней съ тѣломъ раставалась. Вотъ дочь моя, повторяла она непрестанно, къ чему тебя привела твоя неосторожность, слабость непростительная! то не добродѣтель, что страхъ будетъ ощущать! для того ли я родилась, что бы опасаться признать мсего зятя?

Сія

Сія мать достойнѣйшая сожалѣнія, не могши переносить толикой печали, пала въ прежестокую болѣзнь, которая несмотря на усердіе дочери ея, становилась смертельна. Дѣла нѣкоторыя принудили Бентлея на время отлучиться и теща его спрашивала безполезно. Я чувствую, говорила она Нанси, которая усугубляла къ ней свои старанія, что вспоможеніе тобою подаваемое, продлитъ жизнь мою на малое токмо время, которая кончится съ моими купно злоключеніями. Нанси. . . . ты меня ввергаешъ во гробъ! однако же я не хочу тебя упрекать моею смертію; напротивъ того я должна еще тебя благодарить: ибо ты меня избавила отъ печали быть свидѣтельницею вашихъ напастей, кои васъ неотмѣнно ожидаютъ и я провижу цѣпь оныхъ непрерывную! . . . Ваша общая неосторожность и твоя недовѣрчивость къ совѣтамъ нѣжнѣйшей матери, доведутъ васъ до сей

крайности ужасной ; тогда ты дочь моя ! воспомянешь обо мнѣ , но будетъ уже не время. Бракъ совершенный подъ толь злополучнымъ прознаменованіемъ ввергнетъ васъ въ пучину бѣдствій неизбѣжныхъ. Исполни боже, чтобъ мои предчувствія были одинъ лишь суетный страхъ ! я вижу что свекоръ твой въ пущей ярости , гонитъ тебя и ищетъ твоей погибѣли : богатые люди не признаютъ природы ; можешъ ли ты подвигнуть его на жалость ! да пребудутъ первыя чувствованія мужа твоего неизмѣнны ! и дѣти твои , Нанси да не послѣдуютъ тебѣ !

При семъ словѣ Нанси уклонила главу свою къ рукѣ матерней и орошала ее слезами. Ты любишъ меня , продолжала мать ея , простирая къ ней свои руки: я о томъ николи несомнѣвалась : но твое свойство меня погубило оно и тебя къ тому же приведетъ ; сіе ужаснѣйшее изображеніе предваряетъ часъ нашей разлуки ;

луки; я чувствую его приближающагося. . . . Дочь моя, ты никогда не была столь любезна моему сердцу; и такъ. . . . Я не увижу Бентлея! не увижу моего возлюбленнаго зятя! дражайшая моя дочь, увѣрь его, что я умирая прощаю ему такъ какъ и тебѣ. . . . любя васъ обоихъ безмѣрно; Нанси, не забудь мать твою....

По семъ слова ея пресѣклись и померкшїя взоры ея устремились на дочь, которая видя скончавшуюся мать свою была готова сама за нею послѣдовать во гробъ; ея хотятъ вывести вонъ изъ покоя и сокрыть отъ нея сїе толь плачевное позорище, но она противится всѣмъ прошенїямъ, и непрестанно оброщается къ смертному одру, дабы оплакать свою мать; и говоритъ ей какъ бы она могла ее внимать: — Се во мзду толикихъ попѣченїй и любви безпримѣрной, которой я не заслужила, жизнь твою я извлекаю! се дочь твоя которая грудь твою пронзаетъ! вотъ плодъ моего не-

разумія и вѣтренности, моей многократной нескромности, или моего лутче сказать преступнаго заблужденія! И! можетъ ли смерть моя оное загладить? не всѣ ли я навлекла на себя напасти, коими вы меня угрожали? Естьли жестокой старикъ спознаетъ о тайной нашей свадьбѣ, онъ насъ будетъ гнать и угнѣтать своего сына! . . . И естьли Бентлей любить меня престанетъ! . . . Тогда что мнѣ будетъ дѣлать; я принуждена буду устремиться противу моего бытія, которое будетъ мнѣ противно? я причинила смерть моей матери, то и мнѣ должно быть съ нею погребенной; такъ, мнѣ не должно съ нею разлучаться, я сниду во гробъ, и узрю нѣдра еще отверстые слезамъ ея дочери! (между тѣмъ Бентлей показывается) приближься, говоритъ она и разсмотри дѣйствіе любви нещастной; ты то лишаешъ меня матери моей! безъ тебя и безъ твоей пагубной нѣжности, она

былабъ

былабъ еще жива и я бы никогда ее не оскорбила. Ты пришолъ и разрушилъ наше благополучїе, ты потушилъ во мнѣ почитанїе моей должности, отъ тебя я забыла права природы, любви, разсудка и добродѣтели. . . . Ахъ! прости мнѣ возлюбленный супругъ, прости моей встрѣвоженной душѣ; я то едина лишь виновна, мнѣ бы надлежало смотрѣть и разсуждать, что нещастью должно быть попранну и не совершать узъ, которые. . . . Не ужъ ли ты расторгнешъ, Бентлей? никогда, отвѣтствуетъ супругъ, повергшись къ ея ногамъ. Я призываю во свидѣтельство память матери твоей и самое небо, что ты пребудешъ во вѣки для меня любезна. — Бентлей, она преставилась нарицая тебя своимъ сыномъ, и желала скончаться въ объятїяхъ твоихъ!

Бентлей равно печалился, какъ и жена его; супружество ихъ сохранило всю нѣжность любви. И подлинно, страсть сїя какихъ

не изливаетъ услажденій? какая при ней отрада! какое утѣшеніе для двухъ особъ, кои другъ друга любятъ, и кои могутъ соединять ихъ слезы, сообщать другъ другу печали, и взаимно воздыхать! таковое увеселѣніе щастью не извѣстно; природа нещастнымъ предоставила сіе удовольствіе, которое во благополучіи сущимъ вкушать возбраняется.

Горячность сей четы живѣе день отъ дня становилась; но Бентлей видитъ необходимость что должно скрывать во мракѣ тайности союсъ небомъ освященный; таковая тягостная предосторожность отравила дни его мрачную тоскою и задумчивостію, которую онъ до истощенія силъ своихъ отвратить старался, опасаясь чтобъ того не примѣтила жена его. Ибо рожденъ будучи добродѣтельнымъ и возращенъ въ почитаніи своей должности, терзался ежеминутно внутреннимъ совѣсти угрызеніемъ: власть отческая долженствова-

лабъ запечатлѣть сей священный узлъ, къ которому онъ присоединялъ все блаженство своей жизни сей учиненный имъ проступокъ, коего важности отъ себя не скрывалъ сопровождалъ его повсюду; не рѣдко приступалъ онъ къ своему отцу въ намѣренiи томъ, чтобъ повергнувшись предъ его ногами открытся ему во всемъ, но отходилъ не произнеся ни единаго слова, кое неминуемо привело бы его къ сему разговору. На конецъ вознамѣрился открыть свое состоянiе дядѣ своему, которой любилъ его безмѣрно; сей добродушный родственникъ назывался Берклей, и спрашивалъ уже своего племянника неоднократно о причинѣ грусти, въ которой видѣлъ его погруженна. Берклей находился въ состоянiи посредственномъ, имѣлъ сердце чувствительное, и не смотря на недостатокъ былъ почитаемъ Бентлеевымъ отцомъ. Такимъ образомъ молодой человѣкъ изыскавши удобной случай открылъ ему тайны

своего сердца и тѣмъ свергнулъ такъ сказать, иго толико его угнетающее. Расказалъ ему все, что съ нимъ ни случилось даже до малѣйшихъ обстоятельствъ; въ семъ повѣствованіи Бентлей излилъ всю свою душу и печаль его сокрушающую, что онъ безъ вѣдома отца своего женился; по томъ объявилъ любовь свою неугасаемую, которою къ Нанси пылаетъ и чрезмѣрное желаніе принесть къ родительскимъ стопамъ свое раскаяніе и слезы. По семъ представилъ ему образъ своей жены, которой былъ безъ лѣсти и прикрасы, описалъ ея прошедшее повѣденіе, которое до днѣсь было безпорочно. Онъ просилъ вмѣсто всѣхъ милостей, чтобъ его жена была допущена къ его отцу, и чтобъ имъ дозволено было облобызать его колени и испросить его соизволеніе къ утвержденію ихъ союза, что онъ предпочтетъ всѣмъ сокровищамъ на свѣтѣ. Берклей выслушалъ Бентлея съ благопреклонностію и съ сердцемъ

сострадательнымЪ; онЪ сперва употребилЪ власть, которую ему дали родство и лѣта кЪ укоренїю своего племянника вЪ учиненїи поступка, чрезЪ которой онЪ и законы, и права крови нарушилЪ; потомЪ умягчившись обнадѣживалЪ его что онЪ будетЪ вспомоществовать ему всѣю довѣренностїю, каковую онЪ у отца его имѣетЪ.

Бентлей предавшись обманчивой надѣждѣ, не преминулЪ сообщить и Нанси сего роду очарованїя, которое исхитило унихЪ изЪ очей истинную боязнь, которую имЪ имѣть всегда надлежало.

Дядя исполнилЪ свое обѣщанїе; онЪ вскорѣ видѣлся сЪ своимЪ братомЪ, говорилЪ сЪ нимЪ прямо и откровенно о его сынѣ, и употребилЪ всевозможное тщанїе, дабы возбудить вЪ немЪ чувствїя вЪ пользу сего нещастнаго; однако ничто старика не тронуло; онЪ принялЪ сЪ хладнымЪ и размышленнымЪ негодованїемЪ все, что Берклей ему ни представлялЪ,

 и

и тѣмъ наипаче принялъ все оное худо, что ему извѣстна была прежняя вѣтренная и нескромная жизнь Нанси; онъ видалъ ее неоднократно на гульбищахъ и въ позорищахъ; вѣдалъ, что и тогда еще по всѣй Англіи носилось между молодыми людми ея имя; сверхъ того ея щегольство, толпы почитателей, произшествіе съ Баронетомъ и во многихъ случаяхъ ея вѣтренность, словомъ ни что не укрылось отъ свѣденія Бентлеева отца; къ томужъ лѣта и малое почитаніе добродѣтели, а наипаче въ женскомъ полѣ дѣлали его неспособнымъ къ поколебанію и къ обозрѣнію въ сынѣ своемъ другаго чего, кромѣ крайняго безумства и игралища хитрой вертопрашки. На конецъ онъ взялъ перо съ холодно кровностію жесточайшею самой ярости, и написалъ въ короткихъ словахъ къ Бентлею слѣдующее.

„Естьли бы твое преступ-„ное знакомство съ сею женщи-„ною, которую узнать не трудно

„было

„было временно, и сїе заблужде-
„нїе привело тебя въ долги, тог-
„да бы я удовлетворилъ съ охо-
„тою твоихъ заимодавцовъ, и мо-
„жетъ быть тебя и простилъ.
„Но понеже ты безъ моего согла-
„сїя женился, и тѣмъ раздра-
„жилъ законы, вѣру и природу,
„то я не прощу тебѣ, во вѣки, и
„оставляю въ наслѣдїе тебѣ, тво-
„ей женѣ и всѣму твоему потом-
„ству мое вѣчное проклятїе. Вотъ
„все чего ты можешъ отъ меня
„надѣятся. Страшись являтся на
„мои глаза, и забудь что ты
„мой сынъ, такъ какъ я уже за-
„былъ что я твой отецъ. „

Сїе письмо поразило Бентлея ужаснѣйшимъ ударомъ; однако же онъ льстилъ себя, что время по способствуетъ къ примиренїю, котораго онъ не могъ получить теперь; между тѣмъ нанялъ онъ убраные для жены своей покои; и два мѣсяца спустя предприняль вторичное путешествїе къ востоку.

Бентлей обращаясь во многихъ собранïяхъ не имѣлъ времяни узнать себя, ниже проникнуть въ свое сердце. Какъ же скоро предался размышленïю о самомъ себѣ, такъ скоро восчувствовалъ мучительное терзанïе ревности. Ибо едва лишь оставилъ онъ свою жену, какъ сïя страсть доселѣ бывъ въ сердцѣ его безмолвна, вознесла свой гласъ и обнаружила свои ядовитыя стрѣлы; тогда при помнилъ онъ всѣ предосудительныя переговоры, относящïяся на щотъ Нанси, и знакомства, кои имѣлъ онъ будучи въ Лондонѣ, представились ему въ такомъ видѣ, которой его встревожилъ: онъ вѣдалъ, что жена его безмѣрно жива, любитъ веселье, людство, щегольство и похвалы, все сïе произвело въ немъ подозрѣнïе. Надлежитъ признаться, что неосторожная Нанси, казалось, все производила въ дѣйствïе, дабы въ семъ не ошибались; твердыя разсужденïя, бывшïя по смерти ея матери, изчезли

чезли купно съ ея печалью и она уступила своему вѣтренному и неосмотрительному свойству. Сія толпа празднощатающихся, коихъ единственное упражненіе состоитъ въ томъ, чтобъ развращать женщинъ, къ ней паки обратилась. Словомъ сказать, что ея поступки были можетъ быть не осторожнѣе тѣхъ, кои она имѣла до замужства; нынече на балѣ, завтре въ театрѣ, то у праздника, то на гульбищѣ и всегда возвращаяся поздо, иногда же нѣсколько ночей сряду и въ домъ не показываясь: такимъ то образомъ Нанси жила въ небытность своего мужа.

Таковое безпорядочное повѣденіе возбудило тотчасъ не удовольствіе въ тѣхъ людяхъ, кои отдавали ей въ наемъ покой. Они сперва приняли ее затакую женщину, которая опредѣлила себя къ забавамъ; а по томъ возмечтали, что Бентлей скрылся умышленно подъ видомъ путешествія, дабы тѣмъ ихъ обмануть и заставить обра-

щаться лучше къ Нанси и ее почитать. Сія не довѣрчивость побудила ихъ къ изысканію на то доказательствъ; однакожъ усмотрѣли на конецъ, что та кою толь несправедливо подозрѣвали, была дѣйствительно Бентлею законная жена, и посѣщала женщинъ почтенныхъ и нималѣйшему нарѣканію не подверженныхъ. Но при всемъ томъ поступки Нанси были не безъ нарѣканія; вся наружность ее въ томъ обвиняла; даже и сосѣди начали уже думать и говорить объ ней худо; они жаловались, что она спокойствіе ихъ нарушаетъ и трактирщица не могла удержать своего чрезмѣрнаго желанія, чтобъ ей не выговаривать. Люди нискаго состоянія утѣшаются нѣкоторымъ образомъ, когда они пріобрѣтаютъ право разсуждать о тѣхъ особахъ, кои ихъ превосходятъ и подавать имъ наставленія свои; тогда то они приходятъ въ то первобытное равенство, которое народными раздорами, или можетъ

жетъ быть несправедливыми условіями утрачено; и сіе преимущество они почти всегда во зло употребляютъ. Неоспоримо, что Нанси сама навлекла на себя сіе оскорбленіе, которое толь было трудно перенесть ея самолюбію; хозяйка ее представляла ей въ почтительныхъ словахъ, какъ человѣку молодому, что во время отсудствія мужа своего принимать посѣщенія крайне предъ осудительно и просила ее, чтобъ она соблюдала благопристойность, понеже свѣтъ любитъ пересуды и чтобъ на конецъ пощадила своихъ сосѣдей и себя и не подавала соблазна, которой самомалѣйшая вещь возбуждаетъ; по семъ кончила сей родъ увѣщанія съ простонародною прикрасою, прося госпожу Бентлейшу, чтобъ она ей простила ея смѣлость.

Можно разсудить, что сей разговоръ Нанси не понравился: ибо гордясь добродѣтелію, которую соблюдала посредѣ необузданной вѣтренности и всего

волокитства, она отвергла бы и самаго мудраго советы; таковой родъ наставленія отъ женщины нискаго состоянія былъ поруганіе самое оскорбительное для чувствительности Нансиной и такъ отвѣтъ ея сопровожденъ былъ презреніемъ и крайнимъ негодованіемъ; она изъяснила ей, что мало безпокоится переговорами тѣхъ, которые ея не знаютъ, что она не основываетъ должной къ себѣ справедливости на мнѣніи людѣй и подлой черни, при чемъ изъ великодушія напомнила сей не смысленной женщинѣ, чтобъ она для своей собственной пользы воздержалась отъ пустыхъ бредней, кои могутъ быть поводомъ къ злорѣчію; и даже присовокупила угрозы къ язвительнымъ своимъ выраженіямъ.

Нанси не окончавъ еще своей рѣчи встала съ досадою и отворотившись отъ хозяйки приказала ей голосомъ повелительнымъ отъ себя выйти. Уступивши

ши такимъ образомъ движеніямъ честолюбія и гнѣва, надлежало бы ей по томъ послушествовать гласу разсудка, ибо стремительность волненіе и омраченіе страстей имѣютъ свои границы въ душахъ просвѣщенныхъ; однако же Нанси, не взирая на свой разумъ и добродѣтели, ослѣпять любочестіемъ не только отверглa совѣты своей хозяйки, но еще оказала ей свое крайнее презрѣніе и предалась наипущей прежняго разсѣянности.

Бентлей оконча въ шесть мѣсяцовъ свое путѣшествіе, спѣшилъ съ восторгомъ въ объятія своей супруги; всѣ тогда подозрѣнія въ глазахъ его изчезли, и онъ ничего болѣе не воображалъ себѣ опричь сладчайшія любви и нѣжныхъ восхищеній; но вдругъ объявляютъ ему, что бы онъ очистилъ немедлѣнно покои, и что хозяйка ему жить болѣе въ своемъ домѣ не дозволяетъ. Сей случай показался ему страннымъ; ибо онъ вѣдалъ, что пожилые деньги платились ей исправно,

правно, по чему и хотѣлъ узнать отъ своей жены причину таковаго съ нимъ поступка. Встревоженная Нанси отвѣчаетъ ему темными и ничего незначущими словами, которыми онъ будучи не доволенъ прибѣгаетъ къ своей хозяйкѣ, вопрошаетъ и убѣждаетъ ее, но честность въ ней казалось противоборствовала неудовольствію; она отрицается, скрываетъ отъ Бентлея справедливую причину ея не удовольствія: таковое въ ней смятеніе раздражаетъ его; ревность наполняетъ его сердце; онъ проситъ, угрожаетъ и заклинаетъ сію женщину, которая нѣсколько времяни колеблется, не искусно притворяется, на конецъ признается, что его супруга многихъ къ себѣ допускаетъ, что часто ѣздитъ въ собранія и долго просиживаетъ, и что на конецъ спокойствіе, благопристойность и доброй отъ того въ домѣ порядокъ вовсе разрушился. . . Не оканчивай, жестокая, вскричалъ тогда Бентлей, уже ты довольно духъ мой возмутила. . .

Такъ

Такъ ли надлежало блюсти ложе въ отсудствіе мое! вотъ мзда за мою горячность! О! родитель мой, дражайшій мой родитель, ты довольно отомщенъ! . . . . Послушай меня. . . . послушай, вить ты не все еще сказала; возможно ли, меня обманываютъ, меня лишаютъ чести! . . . О! Боже мой. . . . Не ужасайся моего иступленія, открой мои напасти, доверши мою погибель; уже бездна отверста предо мною, которая поглотитъ меня на вѣки. . . . И на что мнѣ жизнь, которая для меня ужасна; когда Нанси меня забыла, мнѣ измѣнила и меня посрамила, то все теперь погибло. По семъ въ той же ярости прибѣгаетъ къ сей женщинѣ: — Пронзи, говоритъ онъ, грудь мою кинжаломъ; ибо ты причинила мнѣ мученіе стократъ ужаснѣе смерти. Увы! жестокая, ты похитила спокойствіе мое и блаженство дней моихъ. . . . потомъ уходитъ отъ нее и паки возвращается, и спрашиваетъ у ней прощенія своей

ей запальчивости: сжалься, вопіетъ надъ нещастнымъ, которой умоляетъ тебя, не утаевая открой ему самомалѣйшія обстоятельства, ты окажешъ неизрѣченную мнѣ услугу, и тѣмъ честь мою спасешъ. . . . Въ прочемъ я знаю какія мнѣ надлежитъ взять мѣры. . . .

Изъ сихъ словъ примѣтя виновница раздора, что она болѣе говорила, нежели ей надлежало, начала увѣрять сего нещастнаго супруга, что поступки Нанси были предосудительны по одной токмо наружности, и что она не подвержена никакой укоризнѣ опричь вѣтренности, вида свойственнаго всѣмъ молодымъ людямъ, кои обращаются въ обществѣ.

Сіе толь неискусное извиненіе не могло ни мало уничтожить подозрѣній Бентлеевыхъ; слабѣйшія слова сего ихъ разговора весьма сильно его поразили и вкоренились въ его сердце; онъ погрузился въ мрачную задумчивость и естьли собралъ разсѣянныя

ныя свои мысли, то для того единственно, чтобЪ убѣдить свою хозяйку, дабы она наблюдала самомалѣйшія поступки его супруги; между прочимЪ просилЪ ее, чтобЪ она дозволила ему остаться вЪ своихЪ покояхЪ еще на годЪ; кЪ чему присовокупилЪ онЪ, что весьма нужно для его спокойствія и чести изслѣдовать всѣ сомнѣнія, кои его терзаютЪ; а для сего и предпріялЪ новое и непродолжительное путешествіе; далЪ однакожЪ знать ей, что на томЪ извѣстіи, которое получитЪ по своемЪ пріѣздѣ, рѣшится онЪ вЪ избраніи того, что ему предпріять должно.

Искусно представленныя причины, усильныя прошенія и самыя обѣщанія щедраго награжденія, употреблены были вЪ словахЪ Бентлея. Сколь мы замысловаты вЪ изысканіи истинны, которая нерѣдко бываетЪ для насЪ злополучна! можно сказать, что нѣкоторая небреоборимая сила влечетЪ человѣка вЪ пагубу. СЪ другой стороны

роны хотя есть величайшая злость и преступная неосторожность внимать подозрѣніямъ ревниваго мужа; однакожъ случается вседнѣвно, что сіе спокойство нарушающую нескромность, почитаютъ за нѣкоторую честность и привязанность. Впрочемъ есть нѣчто въ естествѣ простаго народа, что они хотятъ всегда учиниться нужными и сіе закоснелое мнѣніе, что услуги ихъ потребны, паче мѣры ихъ надмѣваетъ и вселяетъ въ нихъ необузданное желаніе господствовать, что есть первое движеніе человѣческаго серца. Таковыя побужденія, не упоминая о сильно движущей пружинѣ корысти, принудили хозяйку склониться на всѣ предложенія Бентлеевы и обѣщать ему во всемъ не нарушимую вѣрность.

Бентлей страстно любилъ свою супругу и сія стремительная ревнивость толико обнаруженная внѣ ея присудствія, походила на бурю скоро утихающую и разсѣянную единымъ Нанси возрѣніемъ.

рѣнїемъ. По крайнѣй мѣрѣ умѣлъ онъ притвориться при ея глазахъ, опасаясь чтобъ изъясненїе непричинило ей слезъ, коихъ каждая капля проникала во глубину его сердца. Сверьхъ того были и другїя причины, кои налагали на него молчанїе; ему оставалось весьма малое время быть въ Лондонѣ и такъ онъ не хотѣлъ ничемъ другимъ заниматься, какъ только старанїемъ понравиться своей супругѣ, которой самыя погрѣшности умножали можетъ быть ея прелѣсти; живость вѣтреннаго нрава усугубляетъ естественныя прїятности, а гордѣливость не менѣе любви насъ поощряетъ къ порабощенїю того сердца, которое мы потерять страшимся.

Хотя Бентлей довольную оказалъ твердость, что не говорилъ ни слова; но смятенїе души изображено было на его лицѣ; онъ тяжко воздыхалъ, и нерѣдко сжималъ Нанси въ своихъ объятїяхъ, проливая горькїя слезы, которыхъ

рыхъ она тщетно старалась узнать причины; на конецъ приближился день его отъѣзда. По истощенiи всѣхъ знаковъ нѣжности, началъ онъ слѣгка ей представлять. Дражайшая Нанси, говорилъ онъ ей съ прискорбiемъ души, я извѣстился, что родитель мой неусыпно взираетъ на наши поступки; и такъ образъ его мыслей и мое благополучiе зависитъ отъ тебя; онъ расположитъ себя по тому, какъ публика начнетъ мыслить о тебѣ; естьли ты не подвержена будешъ укоризнѣ, какъ я и не сомнѣваюсь, да, я не сомнѣваюсь, продолжалъ онъ, взирая на нее пристально, то родитель мой тогда со мною примирится и я не буду имѣть болѣе нужды искать сокровищъ, кои лишаютъ меня удовольствiя быть всегда съ тѣмъ, что для меня всего любезнѣе на свѣтѣ. Такъ возлюбленная моя, мы бы съ того достопамятнаго часа были неразлучны, и провождали сладкiя дни,

дыша одною не разрывною любовію.

Сіи послѣднія слова были сопровождены смятеніемъ, коего Бентлей не въ силахъ былъ сокрыть. Что ето значитъ, прервавши его слова, спросила Нанси? я примѣчаю, что ваши разговоры непрестанно обращаются на мои поступки; или вы въ чемъ сомнѣваетесь? и послѣ окончa рѣчь свою устремила она взоры на своего супруга, коего смятеніе еще болѣе умножалось: — такъ, вы сомнѣваетесь. . . . вы конечно сомнѣваетесь въ моемъ сердцѣ. . . — Тогда Бентлей повергся къ ногамъ ея: — Всѣ, говоритъ онъ, мои безпокойствія, всѣ мои мученія тебѣ извѣстны. Уже болѣе двухъ мѣсяцовъ, что лютыя фуріи терзаютъ мое сердцѣ. Ахъ! Нанси, не уже ли ты болѣе меня не любишъ? не уже ли ты измѣнила своему супругу, своему нѣжному и чувствительному любовнику. О! нѣтъ, нѣтъ, етому не можно статься.

По семъ открылъ онъ всѣ жалобы своей хозяйки. Но Нанси не трудно было оправдаться. Ея невинность, ея красота и слезы лїющїяся потокомъ поражали страстнаго супруга: — какъ, рыдая начала говорить она, это Бентлей которой во мнѣ сомнѣвается и меня обвиняетъ? развѣ не можно быть въ собранїяхъ, не оскорбляя добродѣтели? или должно сокрыться въ пустынѣ? Но когда тебѣ угодно, я и туда удалиться готова — Я вѣрю. . . . и несомнѣваюсь что ты меня любишъ. . . . и можешъ ли ты не любить меня, божественная Нанси? когда я для тебя живу единой; для тебя лишаюся утѣхъ, дабы у ногъ твоихъ препреводить остатокъ моей жизни, подвергаюсь ужаснѣйшимъ опасностямъ, отваживаюсь на то, что можетъ быть на вѣкъ съ тобою разлучуся. . . . на вѣки разлучуся! . . . Удалимъ сїе страшное отъ глазъ нашихъ видѣнїе, предадимся сладчайшимъ предчувствїямъ, кои духъ

мой

мой оживотворяютъ; я надѣюсь, что Нанси сохранитъ священнѣйшую должность, непрерывную ко мнѣ любовь и будетъ примѣромъ въ женахъ. . . . но обожаемая супруга, того еще недовольно, чтобъ быть добродѣтельною предъ собственными глазами; надлежитъ чтобъ цѣломудренная душа таковою въ очахъ каждаго блистала; сіе подобно источнику, коего воды должны соединять съ цѣлительнымъ свойствомъ своимъ и ясность. И такъ Нанси, непорочная совѣсть требуетъ, чтобъ и другія не имѣли объ ней нималѣйшаго сомнѣнія.

Бентлей былъ скоро успокоенъ; и онъ обѣщался навсегда затворить слухъ свой къ предосудительнымъ навѣтамъ; они согласно стали взирать на хозяйку свою, какъ на гнусное орудіе злорѣчія и клеветы. Клятвы вѣчныя любови и нѣжнѣйшія ласки запечатлѣли на конецъ прощаніе супруговъ. И такъ Бентлей отъѣхалъ, будучи влюбленъ больше

нежели когда нибудь, увѣренъ, что онъ навсегда исцѣлился отъ ревности и подозрѣній, кои составляли его безпокойствіе и исполненъ нетерпѣливости возвратиться въ объятія возлюбленной своей супруги, чтобъ съ нею никогда болѣе не разлучатся.

Нанси, которая можно сказать, вторично овдовѣла, была беременна, и по нещастію упавши родила прежде времяни: однако же младенецъ отъ сего приключенія не потерпѣлъ нимало. По таковымъ обстоятельствамъ нужно было необходимо перемѣнить ей образъ своей жизни; балы и вечеринки уже кончились. Но будучи всегда уединенна, то скука и задумчивость скоро ею овладѣли: послѣдній разговоръ ея супруга былъ глубоко впечатлѣнъ въ ея памяти; она примѣтила, что онъ былъ склоненъ къ свирѣпой рѣвнивости и удобно предавался самой несправедливой недовѣрчивости; а безвремянное рожденіе младенца крайне ея тревожило; и по истиннѣ

сказать

сказать обстоятельства были весьма для нее неблагопрїятны; однако же склонность ея, которой ни какъ не могла пресилить, влекла ее всегда къ безразсуднымъ поступкамъ, коихъ увидимъ мы самыя плачевнѣйшїя слѣдствїя. Нанси будучи однажды въ театрѣ сѣла по случаю подлѣ одной незнакомой женщины, которую никогда невидывала; они вошли между собою въ разговоръ, другъ другу понравились и захотѣли свѣсти знакомство. Сїя женщина, желая ускорить Нанси, первая къ ней прїѣхала; Нанси не распросивъ ни о чемъ болѣе, какъ только о жилищѣ своей незнакомицы, такъ же здѣлала ей и съ своей стороны посѣщенїе.

Бентлеева супруга съ толикимъ разумомъ и добродѣтелями, какїя она имѣла, и извѣдавъ уже опытомъ, сколь безпокойны были чувствованїя мужа ея, могла ли умышленно учинить толь грубой и великой проступокъ; развѣ не знала съ сколь безчисленными

 опасно-

опасностями сопряжены знакомства, изъ коихъ и одно сведенное неосторожно можетъ очернить самую непорочнѣйшую жизнь; извѣстно что публика въ непрестанномъ будучи заблужденіи, судитъ по одной токмо наружности и любитъ лутче обвинять, нежели оправдывать? такова есть степень злобы человѣческой! ибо естьли и случится когда отдать кому нибудь справедливость, то не иначе, какъ со внутреннимъ угрызеніемъ; злословитъ же и угнетаетъ всегда съ полнымъ удовольствіемъ. Не уже ли зависть, сей толико ненавистный порокъ соестественъ природѣ человѣческой? или ложныя разсужденія, кои непосредственно проистекаютъ изъ злоупотребленій общества, препятствуютъ намъ чувствовать до какой степени простирается наша злость и несправедливость?

Сія новая знакомица Нансина называлась Мистрисъ Бельтонъ; и была жена одного Офицера, умер-

умершаго въ Каролинѣ; Бельтонъ будучи еще довольно хороша, а хитрости имѣя еще болѣе, нежели прелѣстей, вознамѣрилась поправить неблагопріятную свою участь, неповреждая естьли можно своей чести. Однакожъ сколько ни старалась скрывать свои ухищренія, но они иачали уже дѣлаться явными; общество не опустило вникнуть въ источникъ ея довольства и выгодностей жизни, кои она имѣла неосторожность обнаруживать; всѣ вѣдали, что мужъ ея никакова имущества ей не оставилъ; впрочемъ публика всегда взыскиваетъ строго, чтобъ каждый давалъ ей отчетъ въ повѣденіи своемъ; видъ являющій тайность всегда ея раздражаетъ, и она не рѣдко отомщеваетъ, разсуждая вредно о средствахъ скрываемыхъ отъ ея любопытства. Однако же Мистрисъ Бельтонъ не была презираема въ народномъ мнѣніи, но только была въ нѣкоторомъ сомнѣніи; а сего уже и довольно для женщины, любящей

 честь,

честь, чтобъ убѣгать ея сообщества, и по сему ни чемъ не можетъ извиниться Нанси и въ самыхъ снисходительнѣйшихъ глазахъ.

Нанси препровождала цѣлые дни съ нею. Она, какъ и всѣ молодые люди, которые обыкновенно съ великимъ жаромъ начинаютъ знакомство, безо всякаго опасенія во всемъ учинила довѣренность своей пріятельницѣ, которая на противъ того будучи со всѣмъ различнаго съ нею свойства, и умѣя по своимъ лѣтамъ лукавить и притворствовать, ввѣряла ей одни токмо вымышленныя тайны; одному лишь честному и добродѣтельному расположенію свойственно имѣть сіе свободное изліяніе души, изъ коего порокъ умѣетъ почти всегда извлекать свою пользу. Она легко могла примѣтить, что Нанси любитъ собранія, щегольство и наряды и для того приняла мерской умыслъ къ ея погубленію.

Домъ

Домъ сей женщины находился не подалеку отъ Парка-Сентъ Джамесова, Бентлеева супруга, влекомая своею злополучною долею сидѣла, случилось подъ окномъ, какъ не большая команда конной гвардiи проѣзжала мимо; она почетши сiе знакомъ присудствiя принцовъ королевской фамилiи, бросилась тотчасъ къ окну; но нѣкто изъ ѣхавшихъ, оборотясь на ихъ сторону и увидѣвши Нанси въ окнѣ сего подозрительнаго дома, съ начала глядѣлъ на нее пристально и по томъ оказавъ знаки своего негодованiя, отвернулся. Сколь страшно было сiе приключенiе для честной женщины! ей казалось, что она узнала въ семъ проѣзжемъ отца своего супруга и она въ томъ не обманулась. Ибо то онъ былъ въ самомъ дѣлѣ и не сомнѣвался ни мало, чтобъ сынъ его не былъ обѣщещенъ, видя свою невѣску въ сообществѣ съ Мистрисъ Бельтонъ, о которой онъ имѣлъ весьма дурные мысли.

Нанси поражена была горестію и не могла постигнуть причины сего толь поноснаго отвращенія; но глаза ея не долго пребывали въ семъ мракѣ невѣденія.

Мистрисъ Бельтонъ усильно просила однажды Нанси пріити отужинать къ себѣ съ однимъ изъ ея родственниковъ, не давно пріѣхавшихъ изъ Англинскихъ островов; Нанси имѣла слабость принять сіе приглашеніе. Сей мнимой ея родственникъ, коего называла она Шевалье Бломстокъ не преминулъ оказать живѣйшими знаками, что Нанси безмѣрно ему нравится; онъ началъ выхвалять ея прелѣсти и завидовать щастію того смертнаго, которой будетъ любимъ такою несравненною красотою; Нанси съ начала думала, что то было пустое и ничего не значущее привѣтствіе, и довольствовалася отвѣтствовать на то одною стыдливостію. Но сіе привѣтствіе становилось отчасу живѣе и она примѣтила сверьхъ того,

что

что Мистрисъ Бельтонъ обходилась съ Бломстокомъ со особливымъ нѣкоторымъ уваженіемъ и почтеніемъ, котораго не дѣлаютъ родственникамъ, или равнымъ себѣ. На конецъ восхищенія пріѣзжаго начали превосходить мѣру такъ, что Бентлеева супруга принуждена была принять насебя видъ свойственной ея состоянію и противоположить онымъ сію кичливость добродѣтели, которая не рѣдко удивляетъ и приводитъ въ смятеніе дерзновенность. Шевалье не только не отступилъ отъ своего желанія, но показывалъ еще въ оныхъ нѣкоторую наглость. Тогда Нанси встала съ своего мѣста, и обратила взоры свои исполненныя гнѣвомъ на свою недостойную подругу: — сударыня, вашъ родственникъ выходитъ изъ предѣловъ должнаго честной женщинѣ уваженія? Дозвольте мнѣ отсюда выйтти и васъ оставить на всегда. . . . Она тотчасъ здѣлала движеніе, чтобъ итти. Но Мистрис

рисъ Бельтонъ схвативши ее за руку стала удерживать. — Напрасно сударыня стараетесь вы меня удержать; глаза мои теперь открылись и я вижу съ кѣмъ я нахожусь: съ человѣкомъ сударыня, вскричалъ Шевалье, бросясь къ ея ногамъ, которой васъ любитъ паче всего на свѣтѣ: знайте сударыня, что не Бломстокъ, стоя предъ вами на коленяхъ, ожидаетъ отъ васъ опредѣленія своей судьбины; но Лордъ П*** Лордъ П*** вскричала Нанси прервавши его рѣчь! какъ! Милордъ это вы котораго честность и добродѣтели повсюду хвалами превозносятъ, и которой теперь доходитъ до крайности, оскорбляя женщину достойную нѣкотораго уваженія! встаньте Милордъ и дозвольте, чтобъ я удалясь отъ глазъ вашихъ, скончала поносные дни.... Толь не ожи — даемое безславіе....

Нанси не могла болѣе говорить и почти безъ чувствъ упала на стулъ, тяжкія вздохи въ

груди

груди ея стеснялись, и слезы потокомъ изъ глазъ ея лились; но Милордъ непрестанно былъ у ея ногъ. — Я теперь ничего болѣе не ищу кромѣ моего прощенія. Я хочу, божественная Нанси, исправить мой проступокъ съ погубленіемъ даже моей жизни, повѣрьте, что я знаю почитать добродѣтель. . . . Но мнѣ не то объ васъ сказали; и мы обмануты оба. Послѣ чего подошедъ къ Мистрисъ Бельтонъ, я сыщу, говорилъ средство, чѣмъ наказать твое бездѣльство; а вы сударыня, продолжалъ онъ обратившись къ Нанси, дозвольте мнѣ подать вамъ руку, чтобъ я могъ проводить васъ до вашего дому; поспѣшимъ оставить сіе ненавистное жилище.

Печалію встревоженная и въ тоскѣ изнемогающая Нанси, не знавъ куда стопы свои направить дозволила проводить себя Милорду, которой на дорогѣ открылъ ей всѣ злоумышленія, чинимыя противъ ея не потребною

Бельтонъ; она говорилъ онъ, описала мнѣ свою подругу подъ видомъ кокѣтки, которую удобно было на всѣ склонить; и какъ Милордъ П *** давно уже былъ страстно въ нее влюбленъ, то Бельтонъ увѣрила его, что довольно одного съ нею свиданья, дабы здѣлаться щастливымъ любовникомъ. Нанси узнала изъ сего разговора, что сїя злохитрая женщина была причиною бѣдствїя многихъ молодыхъ людѣй, первѣйшїя Лорды съѣзжаясь къ ней соумышляли погибель на невинность и красоту. Милордъ прощаясь съ Нанси сказалъ, я вамъ открылъ сударыня чувствованїя мои, кои потушить не уповаю; но прошу васъ предоставить мнѣ сїе удовольствїе, которое сохранено будетъ во внутренности моего сердца; сїе токмо одно щастїе буду я вкушать. Впрочемъ будте увѣрены, что добродѣтель ваша отъ того ни мало не пострраждетъ. Такъ любовь моя на всегда будетъ сокрыта, едина

лишь

лишь покорность и почитаніе оказываемы будутъ вашимъ добродѣтелямъ ; ежели вы или супругъ вашъ будетъ имѣть нужду при дворѣ , то я имѣю случай и съ охотою поспѣшествовать вамъ буду. Простите, сударыня, я знаю къ чему васъ и меня обязываетъ строгая должность. Хотя я буду отъ взоровъ вашихъ удаленъ ; но вы всегда для меня пребудете любезны. Не страшитесь болѣе уловляющихъ сетей Мистрисъ Бельтонъ , они скоро будутъ для васъ не страшны.

Нанси не могла долго выйти изъ смятенія и ежели когдя и возвращала спокойствіе , то опять наполнялась ужасомъ , вообразивъ себѣ опасность, которой она подвергла было себя. Вотъ пропасть, говорила она въ горести своей , въ которую меня низвергла бы нескромность моя, и пагупное къ сообществу стремленіе ! супруга Бентлеева толь страстно имъ любимая и мать чадо залога нѣжнѣйшаго союза едва было не низрину-

зринула себя въ бездну вѣчнаго безславія; одной минуты не доставало къ незагладимому ея посрамленію.

При сихъ словахъ сердце ея начало терзаться, но ощутивъ нѣкоторой въ себѣ родъ успокоенія, погрузилась паки въ размышленіе, и продолжала:

Могла ли я подумать, что существуютъ въ природѣ изверги подобныя сей недостойной Бельтонъ? употребить во зло мою довѣренность и дружбу! и съ какимъ бы я поношеніемъ предстала предъ лицѣ моего мужа? сыскалась ли бы на землѣ столь глубокая пропасть, въ которой могла бы я сокрыться? О! нѣтъ, онъ меня не увидѣлъ бы во вѣки, я бы лучше тогда стократную вкусила смерть. А ты нещастный отроча, какая тогда была бы твоя участь? можно ли женщинѣ влачить жизнь постыдную?... Такъ, конечно, я бы оставила сей толико ненавистный свѣтъ; и теперь отрицаюсь всякаго сообще-

ства его. . . На конецъ я понимаю причины негодованія моего свекра и болѣе не сомнѣваюсь; онъ меня видѣлъ съ сею непотребною женщиною и о мнѣ тоже всемѣрно заключаетъ: вотъ плодъ неосторожнаго содружества! нещастная! какъ могу я оправдаться предъ симъ неумолимымъ старикомъ, которой ненавистію ко мнѣ пылаетъ и презираетъ меня. . . . А естьли къ тому и Бентлей еще станетъ подозрѣвать, что я ему измѣнила то что тогда будетъ со мною?

Сія достойная соболѣзнованія женщина, томилась единымъ воспоминовеніемъ своего проступка ея повѣденіе съ тѣхъ поръ со всемъ уже перемѣнилось, и жилище ея походило на безмолвную пустыню; все ея вниманіе обращалось на ея сына, которой возрастая укрѣплялся, такъ что нельзя было распознать, что онъ безвреманно рожденъ; и когда ей ни случалось на него смотрѣть то, глядѣла всегда съ исполненными слезъ очами. Она ожидала съ нетерпѣ-

терпѣливостїю прїѣзда своего мужа, но купно и страшилась его присудствїя. Многократно размышляла, недоумѣвала, на конецъ вознамѣрилась сокрыть отъ него лѣта своего младенца, которому не болѣе было шести мѣсяцовъ, какъ отецъ его изъ поѣздки возвратился.

Нанси приняла своего мужа съ неизрѣченною горячностїю и радостнымъ восторгомъ; но притомъ видно было и смятенїе души ея, которое не могла сокрыть сколько нистаралась; Бентлей примѣтивши сїе спрашивалъ ее; — что съ тобою здѣлалось, дражайшая Нанси? кто могъ возмутить наше благодѣнствїе? я болѣе не вижу тѣхъ прїятныхъ твоихъ взоровъ, кои сопровождали всегда непорочныя и невинныя твои забавы; сокровенный нѣкоторый страхъ тебя смущаетъ! ты отвергаешъ нѣжнѣйшїя объятїя мои! ты убѣгаешъ моихъ взоровъ! и скрываешъ отъ меня слезы свои! ахъ! Нанси, Нанси. . . .

Она плача повергласъ въ объятія своего супруга, коего сердце уже отверзалось къ лютой ревности; но ласки прекрасныя жены всѣ подозрѣнія мгновенно разогнали. По семъ Бентлей началъ целовать младенца; привлекательный видъ сего любезнаго творенія успокоилъ мятущуюся въ немъ душу и привелъ его во умиленіе; онъ возбудилъ въ немъ желаніе больше, нежели когда нибудь примирится съ своимъ родителемъ. И какъ Бентлей по пріѣздѣ своемъ извѣстился, что отецъ его былъ опасно болѣнъ, то для сего онъ вознамѣрился итти къ нему и у ногъ его испросить себѣ прощеніе а женѣ своей сказалъ, что онъ непремѣнно вечеромъ къ ней возвратится. . . .

Среди объятій и нѣжностей, Бентлей началъ спрашивать ея о возрастѣ своего сына; но жена его рѣчь сію замяла; по выходѣ его примѣтилъ онъ, что хозяйка дѣлаетъ знаки и подзываетъ его къ себѣ. Хотя онъ и далъ обѣщаніе

нїе своей супругѣ, чтобъ ни когда съ сею женщиною не видаться, и самыхъ даже убѣгать случаевъ; но въ сїю минуту ревности движенїе овладѣла его сердцемъ и забывъ данное имъ Нанси слово, потекъ во слѣдъ стремительности своего пагубнаго любопытства. Вошедши въ комнату своей хозяйки, которая поспѣшно заперла за нимъ двери и мучительное безпокоствїе начало терзать Бентлея. Заперши двери подошла къ нему сїя пагубная женщина съ таинственнымъ видомъ, и стала говорить объ учиненной ей довѣренности и обо всѣхъ старанїяхъ своихъ; но это было смертоносный ударъ для сердца ревностїю воспаленнаго; она присовокупила къ тому, что то было противъ ея воли, что она приняла на себя толь трудную должность, что одни его прошенїя, его молѣнїя и собственная воля обязываетъ ее открыть то, что бы она хотѣла сохранить въ вѣчномъ молчанїи. Бентлей терзаемъ будучи тысячны-

сячными мученїями и вышедъ изъ терпѣнїя, говоритъ ей: да чтожъ такое пожалуй исторгни душу мою. . . не ужели моя жена, жена моя. . . — Мнѣ весьма прискорбно, государь мой, что я должна васъ обо всѣмъ извѣстить; но вы право господинъ преизрядной. — Не томи меня и оканчивай; не обѣщещенъ ли я? — Мнѣ совѣстно право утаить отъ васъ и что нибудь; — ну чтожъ такое открой мнѣ пожалуй. — Вашъ сынъ. . . Ну, мой сынъ! О! какъ мнѣ досадно, что я буду причиною вашей печали. . . Витъ онъ рожденъ прежде своего времяни.

Бентлей былъ пораженъ подобно какъ громовымъ ударомъ; онъ повергся въ кресла и воздѣлъ къ небесамъ руки не могши выговорить ни слова. Я хотѣла, продожала хозяйка, узнать о томъ обстоятельнѣе, но ваша супруга до того меня съ оскорбительнымъ презрѣнїемъ не допускала. — Бентлей пребывъ нѣсколько минутъ въ семъ изнеможенїи, наконецъ подвявъ

нявъ голову, произнесъ смутнымъ голосомъ сіи слова: такъ онъ не будетъ моимъ сыномъ! потомъ въ изступленіи началъ ходить по комнатѣ. — Страшись, вскричалъ онъ моего гнѣва, уже я болѣе себя не познаю. . . . ты почувствуешъ меня . . . . жестокая! . . . . ты жизнь мою на вѣки отравила. . . . онъ не будетъ моимъ сыномъ! . . . . Вотъ для чего скрывали отъ меня лѣта сего ненавистнаго творенія! и не было стыда подступить ко мнѣ съ ласками. . . . Преступныя ласки! носить въ обьятіяхъ моихъ знаменіе моего безславія. . . . твоей невѣрности, измѣны и твоего нечестія! . . . . О, рука моя накажетъ тебя законопреступная жена; я пожертвую моему праведному гнѣву тобою, тобою и симъ мерскимъ плодомъ твоей измѣны и твоего ужаснѣйшаго преступленія. . . . Упіюсь вашею злодѣйскою кровію, и насыщу мои яростныя очи симъ пріятнымъ для нихъ зрѣлищемъ.

Онъ

Онъ покушался было итти къ своей женѣ, но хозяйка его отъ того удержала, и такъ возвратившись паки въ слезахъ и въ изнеможенiи повергся. — Ты плачешъ, нещастный! и къ отмщенiю своему силъ не обрѣтаешъ! . . . . но къ поруганiю твоему довольно у другихъ нашлось. . . . потомъ нѣсколько спустя, началъ опять говорить: нѣтъ, оставимъ ее въ жертву безславiя и собственныхъ угрызенiй, угрызенiй, кои за меня отмстятъ. . . . Пусть они будутъ мщенiемъ ярости моей. . . . Пусть они представятъ ей преступленiе ея и мою любовь. . . . Пойдемъ къ моему родителю; откроемъ ему всѣ мои напасти; уже я наказанъ довольно; онъ можетъ быть меня проститъ и возвратитъ мнѣ свою горячность. . . . и горячность Нанси. . . . Вотъ слѣдствiе его проклятiя.

Будучи въ семъ безпорядкѣ мыслѣй направляетъ онъ стопы къ своему отцу; приближаясь къ дому, ощущаетъ онъ нѣкоторое движе-

движенїе и съ торопливостїю входитъ. Но какое страшное зрѣлище предстало Бентлеевымъ глазамъ! отецъ его, которой только что скончался, лежитъ бездыханенъ на смертномъ одрѣ, окруженный всѣми родственниками и ближними. Родитель мой, вскричалъ тогда Бентлей. Такъ, отвѣчалъ ему одинъ изъ его братьевъ, что твоя безразсудная женитьба предварила кончину его; послѣднїя слова его заключили въ себѣ знаки его негодованїя къ тебѣ. — Какъ родитель скончался съ чувствованїями ненависти противу злополучнѣйшаго своего сына! — да, онъ отрѣшилъ тебя и отъ наслѣдства. Что вы мнѣ говорите о наслѣдствѣ? я пришолъ лишь обнять отческїя колѣни, испросить его прощенїе, и потомъ испустить духъ у ногъ его. . . Я ничего не требую отъ васъ жестокїя, дѣлите между собою достоянїе его, а мнѣ дозвольте окончить дни въ семъ домѣ, въ которомъ я

родился и былъ щастливъ. . . .
О! родитель мой!

По семь бросился къ одру, на которомъ лежалъ его отецъ; но Берклей дядя его, которому онъ былъ всегда любезенъ, удержалъ его и обнявъ съ нѣжностію началъ утѣшать его. Между тѣмъ стали читать завѣщаніе, Бентлей того не внимая, былъ занятъ одними токмо словами, которыми хозяйка поразила его сердце; онъ почиталъ себя игралищемъ женщины презренной, которая отвлекла его отъ родительскаго дому, отъ щастія и чести; въ сей горести своей прикасался онъ покрова, которой долженствовалъ закрыть на вѣки того, которой даровалъ ему жизнь, которой его возростилъ, и котораго онъ раздражилъ безчестнымъ своимъ бракомъ. Какими онъ вдругъ поражаемъ былъ тогда ударами! Онъ не прежде вышелъ изъ своей смертельной задумчивости, какъ по прочтеніи завѣщанія. Берклей думалъ, что изнеможеніе въ коемъ онъ видѣлъ своего

его племянника, произходило отъ того, что отецъ въ духовной, не оставилъ ему въ наслѣдство ни Гинеи: то сей добродушный родственникъ, отведши его въ боковую комнату, другъ мой, сказалъ ему, не печалься; хотя достатокъ мой правда и не великъ, но естьли ты имѣешь въ чемъ нужду то весь оный къ твоимъ услугамъ. — Увы! дядюшка, я опричь смерти ни въ чемъ болѣе нужды не имѣю; я вамъ уже сказывалъ, что не о потерянїи моего наслѣдства сожалѣю, но о томъ что лишенъ его горячности, которую бы онъ мнѣ всемѣрно возвратилъ; такъ, онъ сжалился бы надъ моимъ горестнымъ состоянїемъ; я бы ему открылъ всѣ мои печали. — Но повѣденїе твоей жены. — Повѣденїе моей жены. . . . — да оно его вседневно раздражало; ибо ея безславїе здѣлалось почти всенароднымъ. — Ахъ! что я слышу? — Такъ, любезный мой племянникъ, весь Лондонъ знаетъ, что она имѣла знакомство съ одною непотребною жен-

женщиною . . . и . . . не должно теперь ничего скрывать отъ тебя. — Нѣтъ ничего, ничего не скрывайте отъ меня. . . . Я хочу обо всемъ вѣдать и стократно умѣреть. — Сїя коварная женщина, которую называютъ Мистрисъ Бельтонъ, и которая сама многимъ раскazывала сїе произшествїе, увѣряла что въ ея домѣ дано было свиданье женѣ твоей съ Лордомъ П * * * Не оканчивайте, прошу васъ, довольно и того; я теперь все знаю и все вижу. . . . Я не удивляюсь болѣе, что сїе ненавистное дитя . . . и я имѣлъ его въ объятїяхъ моихъ? Но етого довольно, етого довольно!

Слезы лїющїяся изъ глазъ его потокомъ слова его прервали; но потомъ съ неистовствомъ началъ опять говорить; всѣ мои злоключенїя вамъ уже извѣстны; такъ, я здѣлался преслушникомъ моего родителя; совѣршилъ безъ его соизволенїя союзъ, сопрягающїй меня съ вероломною преступницею, я все учинилъ во угож-

деніе мною боготворимыя жены, и другова не ожидалъ имѣть себѣ блаженства, какъ прилѣпить ея къ себѣ и быть на всегда у ея ногъ. . . . Но она теперь погибнетъ; я истреблю два свидѣтельства моего позора. . . . Ахъ, дядюшка, чѣмъ заслужилъ я таковое безславіе? — Послушай меня Бентлей, не возвращайся болѣе къ Нанси, но останься въ моемъ домѣ; я возьму приличныя мѣры въ разсужденіи твоей жены, и склоню ея на то, чтобъ она добровольно съ тобою развѣлась. . . . — Развестись! нѣтъ, не довольно сего дня меня мщенія; надлежитъ, чтобъ лютѣйшій ядъ протѣкъ по ея жиламъ. . и чтобъ я самъ поднесъ ей смертоносный сей напитокъ . . . но и сего для нея мало! надобно въ сердце ея, сердце мною обожаемое, вонзить тысячу кинжаловъ и растерзать его собственными моими руками. . . .

Бентлей сказавъ сіе повергся безчувственъ въ объятія своего

дяди. Потомъ собравъ останки истощеныхъ силъ, и умиленнымъ голосомъ изрѣкъ: но естьли она не виновна!... увидѣвши ея, вы не повѣрите, чтобъ можно было съ ея прелѣстьми толико быть злотворной; ея ко мнѣ горячность была столь безпритворна и откровенна!... но вы мнѣ говорите, что Лордъ П*** Ахъ! это подлинная правда; она меня не любила; но любила другова; такъ другой владѣлъ ея сердцемъ!

Таковыя размышленія повергали паки въ изнеможеніе нещастнаго Бентлея. Но надлежитъ ея забыть, вскричалъ онъ, по нѣкоторомъ молчаніи... Увы! возможно ли ея позабыть? Ея образъ впечатленный глубоко въ моемъ сердцѣ терзаетъ грудь мою... Подите дядюшка; я полагаюсь во всемъ на вашу ко мнѣ дружбу, и сострадательное сердце; рѣшите ея судбину и мою собственную... разлуку съ нею, кончину дней моихъ, и все что вамъ угодно...

Онъ бѣжалъ въ слѣдъ Берклея, крича: она достойна всякаго наказанія; но я не желаю, чтобъ она ощутила таковыяжъ мученіи каковыя мнѣ причинила; и теряя имя супруги, не хочу, чтобъ она жизнь свою въ скудости влачила. . . . И такъ смягчи мой почтенный благодѣтель, колико можно сей ударъ, который мы для нее готовимъ; скажи ей . . . что я любилъ ея безмѣрно . . . и ахъ! должна ли она была мнѣ измѣнить? Вы болѣе меня не увидите! я свергну бремя моей жизни! и какъ можно перенести сіе злополучіе?

Берклей насилу привелъ своего племянника къ себѣ; онъ то погружался въ горесть, то приходилъ въ отчаяніе; то понуждалъ своего дядю итти къ своей женѣ, то просилъ остаться. Никогда естество человѣческое противоборствуя напастямъ, и подверженное всѣмъ оныхъ пораженіямъ не представляло толь плачевнаго позорища.

Нанси

Нанси не вѣдая о ужасности своей судьбины, ожидала своего мужа со всею безпечностїю добродѣтели и стремительною нетерпѣливостїю любви; она сама приняла трудъ украсить своего сына, чтобъ представить тѣмъ глазамъ Бентлеевымъ прїятное зрелище. И подлинно, естьли для родительскихъ взоровъ предмѣтъ лѣстнѣе и привлекательнѣе, какъ оное дитя, которое, кажется, познаетъ виновника своей жизни, съ непорочною усмѣшкою и прїятствомъ своего возраста, простираетъ къ нему невинныя свои руки для объятїя, и видится, приноситъ свою признательность? Нанси сама въ себѣ размышляла, съ какимъ я удовольствїемъ буду смотрѣть, когда Бентлей станетъ целовать сїе милое дитя, и найдетъ его любезнымъ! она даже убрала цвѣтами и комнату, въ которой имъ кушать надлежало и во ожиданїи щитала не токмо часы, минуты, но и самыя мгновенїя.

нїя. Душа ея, можно сказать порывалась во стретенїе своего мужа и въ нетерпѣливости мечтала уже его видѣть и слышать.

Бентлей по многомъ недоумѣнїи различныхъ предпрїятїй, вознамѣрился на конецъ написать къ Нанси письмо, кое двадцать разъ принимался писать и толикократно раздиралъ; но наконецъ окончилъ въ наизящемъ волненїи своего гнѣва и послалъ съ нимъ нарочнаго, съ тѣмъ чтобъ оное отдано было въ собственные руки жены его.

Смущенїе Нанси часъ отъ часу умножалось; она не знала на какомъ ей страхѣ утвердиться; время протекло, а мужъ ея не возвращался. На конецъ стучатся у дверей, она съ тороплибостїю къ онымъ прибѣгаетъ и простираетъ руки, чтобъ обнять Бентлея, котораго она чаетъ видѣть и котораго ищетъ еще глазами, и тогда, когда войдя служитель вручилъ ей письмо отъ ея супруга и тотчасъ

часъ ушелъ, примолвя, что отвѣтъ на оное не нуженъ. Нанси не внемля словъ поспѣшаетъ узнать содержанiе письма, открываетъ его и объята будучи смятенiемъ, читаетъ въ немъ слѣдующее:

„Чѣмъ мнѣ начать сiе письмо, любви моей недостойная жена? развѣ ниспосланiемъ на тебя „моихъ проклятiй, какiя токмо „справедливый гнѣвъ мой можетъ „вымыслить. Да вселятся въ твое „сердце всѣ казни; весь адъ, самый адъ да вмѣстится въ твоей „вѣроломной груди! подобно какъ „моя отверста теперь всѣмъ лютостямъ злѣйшихъ фурiй; ты ее „терзаешъ, какъ плотоядный „вранъ, остервенившейся на свою „добычу. Насыщайся моимъ мученiемъ, упiися моими слезами; „ты предала поруганiю, или лучше смерти человѣка, которой „тебя любилъ паче всего на свѣтѣ. Все уже теперь открылось; „подлинное рожденiе сего ненавистнаго младенца, твое знаком-

„ство съ непотребною Бельтонъ „и твое вѣроломство. . . . твоя „любовь! ахъ преступная жена, „такъ ето Лордъ П * * * даровалъ „жизнь сему проклятому творе-„нію, котораго ты лобзать меня „заставляла! чудовище измѣны! „присовокуплять посмѣяніе къ не-„вѣрности и обману! смѣяться „моему легковѣрію и отягощать „меня ложными ласками . . . я хо-„тѣлъ, нещастная исторгнуть изъ „тебя оскверненную толикимъ зло-„дѣяніемъ душу твою: но смерть „была бы для тебя милость, ко-„торой я не хочу тебѣ явить; „нѣтъ, не хочу тебѣ ее явить. „Пускай стыдъ и скорбь пребыва-„ютъ съ тобою во вѣки! живи, „что бы повсечастно тебѣ уми-„рать, имѣй всегда передъ глаза-„ми своими твоего мужа. . . . не-„благодарная! сколь ты была „ему любезна, и сколь онъ много „почиталъ тебя! ахъ! Нанси, „Нанси! не ожидай вѣчно моего „помилованія; но откажись на-„всегда отъ имяни моей супруги,

„ибо сїе священное названїе ты „крайне обезславила. Какимъ бы „ты ни была подвержена бѣдамъ, „но все не будешъ столь сожалѣнїя „достойна, колико тотъ нещастный, которой все утратилъ „на свѣтѣ. Почто я не могу тебя „истребить изъ моего сердца! „жестокая! я чувствую, что всѣ „мои усилїя напрасны! ты пребудешъ въ немъ до послѣдняго „моего издыханїя. . . . Но ты не „увидишъ меня во вѣки. Прости, „прости, я предаю тебя собственнымъ твоимъ угрызенїямъ, естьли „оные въ тебѣ еще не умолкли.„

Нанси отъ смятенїя и скорби здѣлалась неподвижною; она непроизнесла ни единаго слова; таковое страшное молчанїе бываетъ всегда признакомъ не обѣятной печали; сонъ бѣжитъ отъ глазъ ея и не можно было болѣе вкушать сладости его; она не спускала глазъ съ своего сына, которой былъ возлѣ нея. Горькїя слезы пробиваясь отъ времяни до времяни текли струями по ея

блѣднымъ щекамъ и казалось, напечатлѣвали на оныхъ слѣды скорыя смерти; къ довершенію всѣхъ мученій она не знала еще что здѣлалось съ Бентлеемъ; да когдабъ и нашла его, то могла ли надѣятся, что докажетъ предъ нѣмъ свою невинность? она отвергала самонужнѣйшую пищу и когда къ ней подходили, то дѣлала знакъ руками, чтобъ ее оставить въ покоѣ; сіе нечаянное расточеніе мыслей было послѣдуемо сильною горячькою, которую она и сыну своему сообщила.

Болѣе восми дней протекло, какъ Бентлей оставилъ сихъ злостраждущихъ твореній. Дядя его упросилъ одного изъ своихъ пріятелей увезть его съ собою въ деревню, состоящую въ сорока миляхъ отъ Лондона. Во время сего путѣшествія Берклей расположился здѣлать Нанси предложеніе о разводѣ, о коемъ онъ условился съ своимъ племянникомъ.

Въ семъ намѣреніи приходитъ онъ къ ней, требуетъ съ нею говорить

ворить и не скрываетъ причины своего прихода. Нѣтъ, я недопущу васъ исполнить сего варварскаго предпріятія, вскричала бросившись къ его ногамъ и простирая къ нему руки расплаканная хозяйка; ради страждущаго человѣчества не тревожте ея тѣмъ и пошлите сказать Бентлею, чтобъ онъ поспѣшилъ своимъ приходомъ; вы тѣмъ возвратите жизнь сей невинно погибающей бѣдной женщинѣ, которой можетъ быть осталось только жить нѣсколько минутъ. Ахъ! государь мой! вы крайне благое здѣлайте дѣло; пускай мужъ ея выслушаетъ: она въ состояніи передъ нимъ оправдаться; такъ она невинна. Это я нещастная, которая зловредною моею нескромностію причинила ей всѣ сіи напасти! я терзаюсь злополучнымъ ея жребіемъ. Это самая добродѣтель, продолжала она обливаючись слезами, а я ее подозрѣвала и обвиняла ее! вы ея увидите такъ увидите, государь мой терзающуюся тоскою. . . . (и потомъ во-

шедши къ Нанси въ комнату:) ободритесь сударыня, вотъ дядюшка вашего супруга.

Сія злощастная лежала на своей постелѣ, едва имѣя дыханіе и прижимая къ грудямъ умирающаго своего сына; она приподняла не много голову и какъ будто бы новую жизнь воспріяла: — любезной Бентлей. . . да гдѣ же онъ — его нѣтъ, а я дядя его и пришолъ. . .

Онъ не въ силахъ былъ окончить своей рѣчи, будучи объятъ состраданіемъ и съ трудностію удерживалъ слезы свои; наконецъ сѣлъ подлѣ ея и сколько дозволяло печальное состояніе сей сожаленія достойной женщины, расказалъ ей причины, кои возбудили въ племянникѣ его толь лютую ревность; упомянулъ ей о рожденіи ея сына, о Мистрисъ, Бельтонъ, и о Лордѣ П * * * Нанси оживотворя свой утомленный и прерывающійся тяжкими воздыханіями голосъ, оправдывалась передъ Берклеемъ толь яснымъ и

убѣди-

убѣдительнымъ образомъ, что онъ самъ обѣщалъ за нее стараться у ея мужа; и ощутивъ живѣйшее умиленіе, проливалъ купно съ нею слезы.

Нанси окончила сей разговоръ, сказавъ Берклею голосомъ пронзительнымъ: теперь я умираю, государь мой, не съ столькимъ уже не удовольствіемъ; Господь услышалъ моленія мои; я спокойно теперь ожидаю конца моихъ напастей, будучи довольна тѣмъ, что могла васъ увѣрить о моей невинности, и что вы хотите великодушно обо мнѣ ходатайствовать у вашего племянника; дозвольте мнѣ еще нарѣчь его моимъ супругомъ; по малой мѣрѣ, вы заступитесь за мою память. . . Ахъ! естьли бы еще могла увидѣться прежде моей кончины, я бы попросила его, чтобъ онъ умилосердился надъ симъ бѣднымъ младенцемъ. . . которой иногда привелъ бы ему на память несчастную и невинную его мать. . . Такъ, я невинна, государь

государь мой, ни вЪ чемЪ невинна опричь моей не осторожности.

При семЪ словѢ вздохи ея возобновились и слезы лились изЪ глазЪ ея ручьями; она обнимала вЪ восторгѢ своего сына: но какимЪ страшнымЪ поразилась вдругЪ ударомЪ! — что явижу? государь мой.... увы! Помогите мнѢ.... Мой сынЪ.... ОнЪ кончается.... О! возлюбленный мой сынЪ!

Она сЪ страшнымЪ воплемЪ повергласъ на него и цѢловала его оледенѢлые уста; можно сказать, что сїя злополучнѢйшая мать хотѢла влїять вЪ него душу свою и при семЪ случаѢ оказала все изступленїе матерней любви. Берклей не могЪ болѢе видѢть сего толь плачевнаго позорища и вышелЪ отЪ нея проливая горькїя слезы и прося хозяйку, чтобЪ она имѢла обЪ Нанси попеченїе; между тѢмЪ примолвилЪ, что онЪ немедлѢнно поѢдетЪ вЪ деревню искать своего племянника и доставить его вЪ обЪятїя своей супруги.

Нанси пала въ обморокъ, которой угрожалъ жизни ея опасностью; хозяйка пользуясь симъ случаемъ, хотѣла отнять отъ нея умершаго младенца, котораго видъ усугублялъ болѣе въ ней горесть. — Вы не похитите у меня моего сына, вскричала опомнясь Нанси, нѣтъ, вы не похитите его! онъ будетъ на моемъ лонѣ и въ объятіяхъ моихъ, до того послѣдняго часа, которой насъ соединитъ обоихъ.

По томъ лобзая его и ороша слезами продолжала опять такимъ образомъ:

И такъ ево уже болѣе нѣтъ! нѣтъ ево! о сколь онъ благополученъ! онъ мало жилъ на свѣтѣ; но скоро и я съ нимъ соединюся... но гдѣ сей великодушной родственникъ моего мужа.... О! Боже мой! всѣ презрили меня! всѣ меня покинули! ты только осталась одна со мною, сказала оборотившись къ хозяйкѣ и подавъ ей руку, ты лишь одна столь снисходительна, что хочешь отдать мнѣ по-

слѣдней долгъ. . . . Постарайся пожалуй, чтобъ сына моего по смерти положили въ гробъ со мною вмѣстѣ. . . . чтобъ онъ былъ въ моихъ хладныхъ объятіяхъ. . . . — Ахъ! сударыня, удалите отъ себя сіе печальное воображеніе, надѣйтесь всего отъ праведнаго неба; Бентлей скоро сюда будетъ; дядя его тронувшись вашимъ состояніемъ, нарочно для того отъ васъ отлучился, чтобъ привести его съ собою; утѣшьтесь сударыня, вамъ конечно отдадутъ всякую справедливость. — Поздно теперь уже другъ мой. Отъ одного вышняго судій ожидаю той справедливости, въ которой мнѣ люди отказали. . . . Я не увижу болѣе моего мужа. . . . нѣтъ, я не увижу его; дядя его не можетъ изъяснить ему того, что онъ претерпѣвать меня заставилъ. . . . О Боже праведный! чемъ тебя я прогнѣвила? и чемъ заслужила толикія напасти? но я на пишу къ нему письмо; пусть отнесутъ къ нему его поскорѣе. . . . Ахъ! какъ бы

я

я была довольна, естьли бы онЪ прѣхалЪ прежде моей смерти... и естьлибЪ могла ему сказать изустно, сколь онЪ много еще мнѢ любезенЪ!

Хозяйка стоя у постели поддерживала сію толико нещастную женщину, которая двантцать разЪ покидала перо, и паки принималась, возводила глаза свои на небо и обращала ихЪ на бумагу орошенную ея слезами. На конецЪ по многократныхЪ усиліяхЪ окончено было, сїе письмо и отослано кЪ Берклею сЪ тѢмЪ, чтобЪ вручить его племяннику, и которое было слѢдующаго содержанїя:

„Я извѢстилась обо всемЪ. „Знаю что наружности всѢ противЪ „меня, но симЪ однимЪ только и „могу себя укорять. Твой дядя „сообщитЪ тебѢ подробности, ко„торыя могутЪ послужить тебѢ кЪ „моему оправданію. Я не хочу и „не могу говорить тебѢ ни о чемЪ „кромѢ моей любви; я тебя ни„чемЪ не оскорбила, кленусь тебѢ „что ничемЪ. Я никогда не пере„ставала тебя любить, а ты

„меня

,,меня толь злобно умерщвляешъ! ,,но я тебѣ прощаю, и любить ,,тебя буду до гроба. Напасти мои ,,превзошли уже всѣ мѣры. Сего ,,невиннаго творенія, котораго ро- ,,жденіе было столь для меня па- ,,губно, болѣе въ живыхъ уже нѣтъ. ,,И я болѣе теперь не мать; одинъ ,,только бездушный трупъ остал- ,,ся къ объятіямъ моимъ и се жер- ,,тва моей нескромности, не осто- ,,рожности и твоей несправедли- ,,вой ревности. . . Но я тебя не ,,виню, я одна во всемъ виновна; ,,смерть моя отомститъ кончи- ,,ну моей матери, которая много- ,,кратно мнѣ предвозвѣщала сіи ,,напасти, кои во гробъ меня низ- ,,водятъ! Увы нещастная! я тог- ,,да лишь глаза мои отверзаю, ,,когда оные должны закрыться на ,,вѣки! но ахъ! силы во мнѣ ос- ,,кудѣваютъ, и составъ мой раз- ,,рушается. . . молю тебя и за- ,,клинаю, поспѣши ко мнѣ своимъ ,,пріѣздомъ; по малой мѣрѣ ты ,,будешъ имѣть то удовольствіе, ,,что услышишъ оправданіе въ мо-

,,ей

,,ей невинности ; пускай явству-
,,етъ она при послѣднемъ моемъ
,,издыханіи. . . . Прійди дражай-
,,шій мой и нещастнѣйшій супругъ!
,,не ужъ ли мнѣ не позволено про-
,,изнесть толь любезнаго назва-
,,нія ? оно лишь одно удерживаетъ
,,изходящую мою душу ; поспѣши
,,мой возлюбленный запечатлѣть
,,нахладѣющихъ устахъ наше при-
,,миреніе, доколѣ они еще ощущать
,,способны.... Бентлей, обожаемый
,,Бентлей! я тебя конечно не уви-
,,жу ! смертельный хладъ во мнѣ
,,распространяется, свѣтъ бѣжитъ
,,отъ очей моихъ и вѣчность начи-
,,наетъ распространять на меня
,,оной мрачной покровъ. Я погру-
,,жаюсь уже въ оную ! но оживо-
,,творюсь ли когда нибудь ? уви-
,,жу ли когда моего супруга? Про-
,,сти. . . . прости на вѣки ; ты
,,можетъ быть прійдешъ , но уже
,,меня не будетъ. Какое страшное
,,изрѣченіе ! пролей по крайнѣй
,,мѣрѣ нѣсколько слезъ надъ пла-
,,чевными останками моими , и во
,,мзду моего терпѣнія назови меня
,,своею

„своею супругою, скажи, что ты „меня прощаешь, что меня еще „любишь; Бентлей, приложи ру„ки свои къ сердцу моему, оно по„чувствуетъ еще знаки нѣжности „твоей. Я надѣюсь Бентлей, что „ты станешь сожалѣть обо мнѣ..: „и съ симъ пріятнѣйшимъ мыслей „моихъ услажденіемъ, спокойно те„перь кончаюсь.„

Берклей усильно просилъ своего пріятеля, у коего находился его племянникъ, дабы онъ неусыпное имѣлъ за нимъ смотрѣніе и наблюдалъ его всѣ поступки; однако же сей обманулъ предосторожность своихъ созерцателей и вырвавшись отъ нихъ ушолъ къ Лорду П***, котораго замокъ былъ смѣженъ съ сею землею.

По прибытіи къ помянутому господину, требуетъ онъ съ нимъ переговора, но увидѣвши его прогуливающагося въ саду, не дожидаясь отвѣта, бросился къ нему съ стремительностію и едва приближился на столько, что можно было его слышать; —

Милордъ,

Милордъ, вскричалъ съ торопливостїю, я дворянинъ. . . . Я человѣкъ, вы меня обидили; и такъ мнѣ нужно удовольствїе, и тотчасъ схватился за шпагу. Лордъ отвѣтствовалъ ему съ спокойнымъ духомъ : вы имѣете право, государь мой, требовать отъ меня себѣ удовольствїя, ежели я имѣлъ нещастїе нанести вамъ обиду; но вы видите, что я безъ защищенїя, и такъ позвольте мнѣ кликнуть кого нибудь, чтобъ принесли мнѣ оружїе.

Въ самое то время шолъ одинъ слуга, которому Лордъ здѣлалъ знакъ подойти къ себѣ, и которой получивъ отъ господина своего повелѣнїе немедлѣнно исполнилъ его и отосланъ былъ обратно.

Ну теперь, государь мой, говорилъ онъ Бентлею, сїя шпага здѣлала насъ между собою равными: но прежде нежели мы начнемъ резаться, прошу васъ скажите мнѣ существо вашей жалобы и ваше имя : Англичане не бьются

такимъ образомъ, какъ наши ветренные сосѣди. — Мое имя? вы узнаете его, когда я симъ оружїемъ пронжу ваше сердце, или когда ваше собственное въ моей будетъ груди: вы похитили мое спокойствїе, щастїе и любовь жены мною обожаемыя: — а! не вы ли господинъ Бентлей? — Да вы его столько обидили, что вамъ нельзя не знать его. О Боже мой! вскричалъ тогда Милордъ! что мы хотимъ теперь дѣлать! государь мой, я уповаю, что честь моя останется невредима; естьлибъ я находилъ себя виновнымъ хотя въ чемъ нибудь предъ вами, то конечно бы васъ удовлетворилъ; но я теперь вижу что могло васъ толико раздражить; поносныя расказы непотребнѣйшей Бельтонъ достигли до вашего слуха; ето по истиннѣ язвительное злорѣчїе; но ваша супруга есть самая добродѣтель; и естьли вы не удостоите повѣрить словамъ благороднѣйшаго въ

Англіи дворянина, то сіе письмо васЪ убѣдитЪ.

ЛордЪ вынулЪ по семЪ изЪ кармана своего самое обстоятельнѣйшее письмо отЪ МистрисЪ БельтонЪ, и подалЪ оное Бентлею чтобЪ онЪ прочелЪ вЪ присудствіи его. Сіе письмо содержало достовѣрное оправданіе Нанси; МистрисЪ БельтонЪ открывалася вЪ немЪ, что она во отмщеніе высокомѣрнаго Бентлеевой супруги сЪ нею обращенія, внушила ея свекру, что его невѣска была любима ЛордомЪ П *** и сама отвѣтствовала на его любовь. ВпрочемЪ признавалась, что она почитаетЪ Нанси за достойнѣйшую женщину, и окончила письмо свое прося Лорда, чтобЪ онЪ старался, какЪ возможно разгласить ея признательность, которая была весьма слабое поправленіе причиненнаго ею зла.

МинистрЪ достойный своего сына, овладѣлЪ сею оскверненною толикими злодѣяніями душею; возбудилЪ вЪ ней угрызенія сов-

сти; и сїе письмо было первое благое дѣянїе, которое произвело благополучнѣйшая перемѣна.

Такъ она не винна, вскричалъ Бентлей, бросивши изъ рукъ своихъ шпагу! — Никогда добродѣтель тверже и непоколебимѣе не бывала. Я вамъ сказывалъ откровенно, что супругу вашу видалъ многократно на гульбищѣ, и она вдохнула въ меня сильнѣйшую склонность; но сїе чудовище Бельтонъ описала мнѣ ея чертами совсѣмъ на нее непохожими. Я принялъ было нѣкоторое противъ ее умышленїе, но ваша достойнѣйшая супруга умѣла преобратить въ удивленїе и почтенїе чувствованїя ея оскорбляющїя; впрочемъ хотя я и непереставалъ ея любить, однако же положилъ обѣщанїе, чтобъ никогда ея не видѣть, а ежели и случится, то опричь почитанїя моего и преданности ничего ей не оказывать; я могу сказать, что здержалъ мое слово. И супругъ Нансинъ можетъ безъ опасенїя назвать своимъ другомъ Лорда

да П*** — Ахъ! Милордъ что я здѣлалъ? уже болѣе восьми дней, болѣе восьми столѣтій, какъ я не видалъ ее; она умираетъ бывъ жертвою моихъ подозрѣній и моей рѣвности, моей свирѣпой рѣвности, а мой сынъ. . . . Милордъ, я васъ оставляю и спрашивая вашего дружества; чтожъ до меня, что я онымъ вамъ долженъ: вы мнѣ возвратили жизнь, благоденствіе и все. . . . Отправтесь поскорѣе, примолвилъ Лордъ; поспѣшите на помощь сей нещастной; исправте вашу несправедливость!

Берклей извѣстился наконецъ о мѣстѣ пребыванія своего племянника и подъѣзжалъ уже къ замку, какъ Бентлей увидѣвъ его подбѣжалъ къ нему съ стремленіемъ крича: ахъ! что мы здѣлали? вить Нанси невинна; я уже знаю обо всемъ: она достойна имяни моей супруги, и сіе дражайшее дитя? . . . Ты его уже лишился, отвѣтствовалъ Берклей и Нанси сама при послѣднемъ издыханіи,

 но

но она непорочна; поспѣшай къ ней и спаси жизнь ея; вотъ письмо, которое она черезъ меня къ тебѣ посылаетъ.

Бентлей поглощаетъ сїе письмо алчущими глазами, не говоря съ дядею ни слова, потомъ бѣжитъ на почту, беретъ лошадей и въ шесть часовъ прїѣзжаетъ, или лутче сказать прилѣтаетъ къ жилищу своей супруги. Вошедъ въ ея покои, спрашиваетъ тотчасъ: — гдѣ она? гдѣ моя Нанси, гдѣ дражайшая моя супруга? я хочу ее видѣть, хочу повергнуться къ ея ногамъ и испросить ея прощенїе! онъ подбѣгаетъ по томъ къ ея постелѣ. Но въ какомъ увы! состоянїи ее находитъ! при концѣ послѣдняго дыханїя; держащую усопшаго младѣнца ослабѣвшими руками, и уже не внемлющую словамъ его; онъ кличетъ ея, прижимаетъ къ перси своей съ воплемъ изъявляющимъ любовь и отчаянїе: Нанси! возлюбленная Нанси! потоки слезъ, изъ глазъ его лїющїяся и орошающїя мать и сына,

слова

слова его прервали; на конецъ Нанси отверзла умирающїя очи и сжимая руки своего мужа устремя на него вѣчнымъ мракомъ покрывающїяся взоры свои, и съ трудомъ выговорила сїи слова: Бентлей!... ето ты конечно! вотъ и сынъ твой! и по томъ скончалась, преклонивъ главу къ перси своего мужа.

Бентлей подъемлетъ ужасный вопль. Никогда не было трогательнѣе и страшнѣе изображенїя слѣдствїи любови и отчаянїя; онъ стеснялъ жену свою крѣпко въ объятїяхъ своихъ и испущалъ ужасной рѣвъ; съ трудомъ можно было его вывесть изъ сего плачевнаго жилища и то лишеннаго уже разсудка и поражаемаго страшными ударами неистовства. На конецъ дядя не могши болѣе держать у себя, принужденъ былъ отдать его (*) въ Бедламъ,

(*) Бедламъ огромной и великолѣпной въ Лондонѣ домъ, въ которомъ содержатся безумные, построенъ тамошнимъ мѣщанствомъ. Онъ имѣетъ великїя доходы и весьма хорошо содержатся.

вЪ число сихЪ нещастныхЪ, кои осуждены влачить иго уничиженной жизни, и кои доказывают коликимЪ бѣдствіямЪ и смиренію порабощено естество человѣческое.

Бентлей будучи тамЪ погружался иногда вЪ безчувственную задумчивость, устремлялЪ очи свои вЪ землю, которую орошалЪ потокомЪ слезЪ и цѣлые часы препровождалЪ вЪ сей глубокой безмолвности, изЪ которой однакожЪ послѣ вдругЪ выходилЪ, наполнялся бѣшенствомЪ, бѣгалЪ сЪ растрепанными власами, и имѣя пламенные глаза, угрожалЪ пораженіемЪ всѣхЪ встречающихся, хотя не имѣлЪ при себѣ никакова оружія, призывалЪ сЪ воплемЪ свою супругу, по томЪ приходилЪ опять вЪ безчувственность, подобящуюся смерти. ВЪ другое время можно было подумать, что онЪ пришелЪ вЪ разсудокЪ; показывалЪ спокойной взглядЪ и сЪ жалостнымЪ видомЪ спрашивалЪ у всѣхЪ, кто ему ни попадался не имѣетЪ ли какого

извѣстія

извѣстія объ Нанси; она меня болѣе не любитъ, говаривалъ онъ! такъ, она меня не любитъ! я чрезмѣрно причинилъ много ей печали! однакоже никогда не была она столь для меня любезна прошу васъ и молю, упросите ее, чтобъ она простила мои несправедливости! я готовъ у ногъ ея испустить духъ мой. Бывали и такія минуты, что ему казалось будто онъ ея видитъ тогда съ восхищеніемъ предаваясь своему мечтанію, простиралъ къ ней руки свои: — дражайшая Нанси, поди ко мнѣ, поди въ объятія твоего мужа, я вижу тебя! обладаю твоими прелѣстьми! и я благополучнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ! потомъ скоро теряя пріятнѣйшее заблужденіе обращался опять на плачевное позорище: — она умираетъ! говорилъ онъ, надлежитъ подать ей помощь; Нанси, прозри хотя единожды. . . . Уже я въ послѣдній разъ тебя цѣлую! Нанси! послушай меня; вить ты не виновна, нѣтъ ты не виновна; это

я

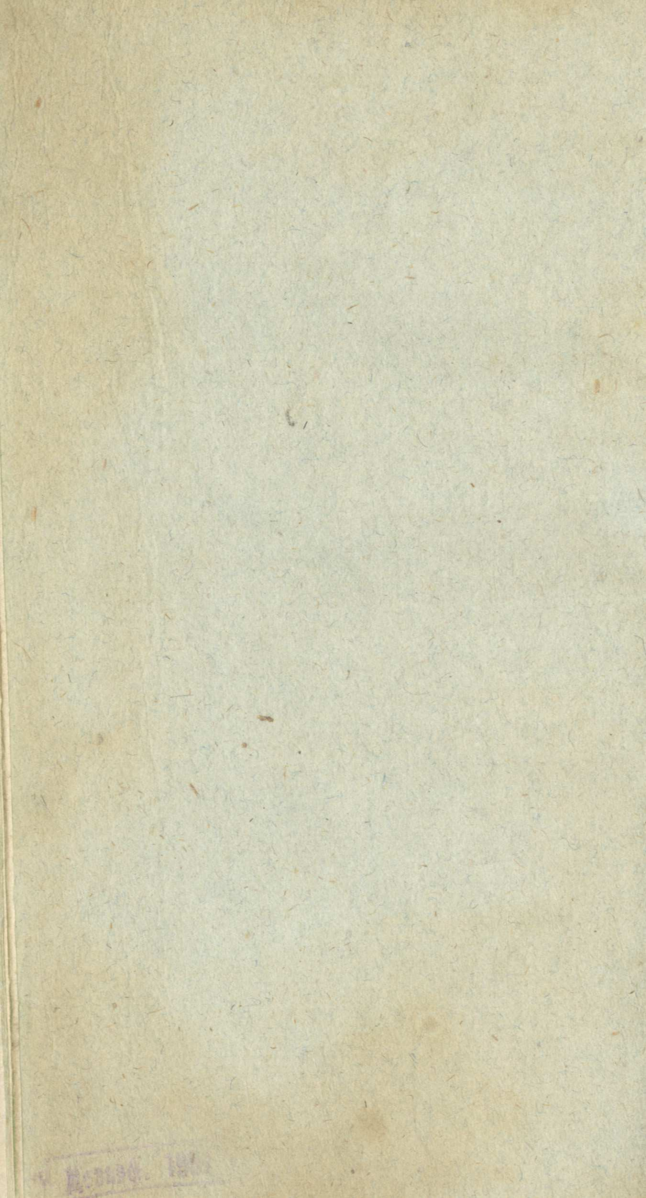
я лютѣйшій извергъ, чудовище, которое должно истребить. Тогда начиналъ онъ драть на себѣ волосы и поражая въ грудь страшными ударами, терзалъ ногтями свое тѣло, бился головою о землю и плавалъ въ потокахъ своей крови. Случалось иногда, что онъ впадалъ добровольно въ задумчивость, въ которую обыкновенно любилъ погружаться; тогда не отвѣтствовалъ онъ ни слова на всѣ чинимыя ему вопросы: но коль скоро произнесутъ имя Нанси, то тотчасъ вскакивалъ: Нанси! . . . гдѣ она? покажите мнѣ ее!

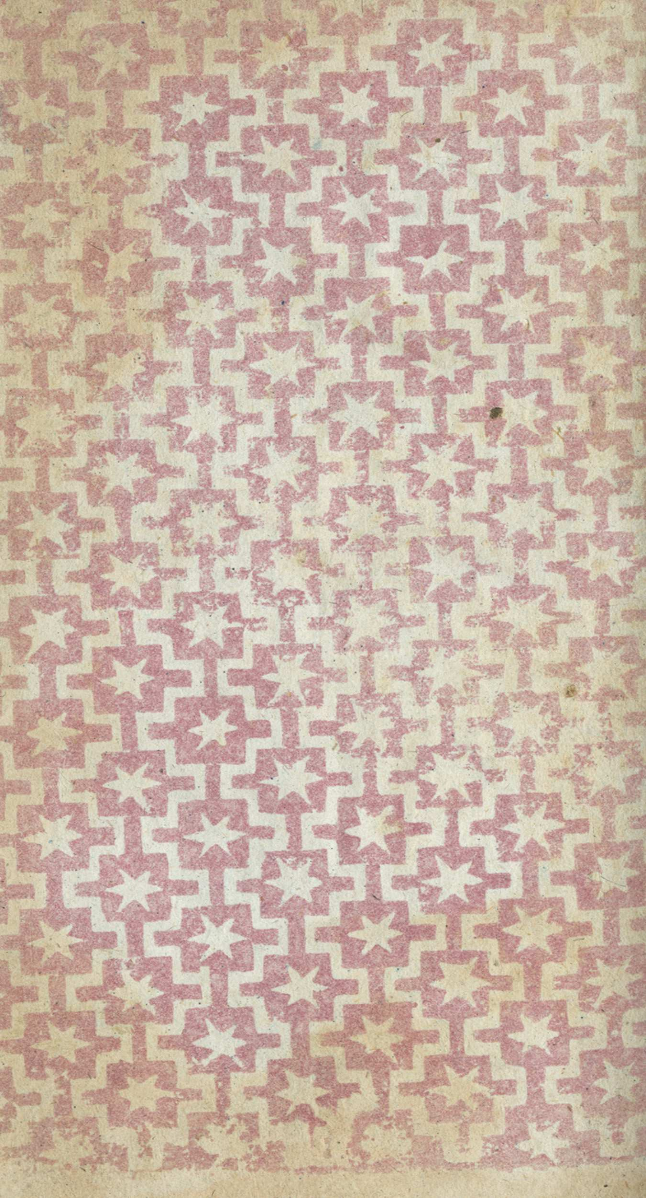
Онъ былъ цѣлые два года въ семъ плачевномъ состояніи; Берклей не рѣдко его посѣщалъ; котораго какъ скоро усматривалъ сей нещастный; то тотчасъ спрашивалъ: не видалиль вы Нанси? Дядя его, чтобъ привести въ память ни о чемъ болѣе съ нимъ не говорилъ, какъ о его супругѣ, и можетъ быть что сіе самое споспѣшествовало къ усугубленію въ

немъ

немъ скорби. Не задолго передъ своею кончиною, на рисовалъ онъ Нанси едва созерцаемыя черты на стѣнѣ въ своей комнатѣ, какъ будто имѣлъ намѣреніе писать портретъ своей супруги; съ тѣхъ поръ глаза его всегда обращались на сію сторону, а иногда съ плачемъ и рыданіемъ цѣловалъ ихъ. Подъ конецъ жизни своей пересталъ онъ и говорить, хотя и употребляли къ тому средство всегда успѣшное, напоминая ему о Нанси; но онъ отвергалъ всякое врачеваніе, и скончался устремя взоры свои на сію стѣну, на которой на рисованы имъ были черты, и произнеся слабымъ голосомъ имя своей супруги.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА
С-ПБ. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 55

